

Кротков Антон

Воздушный штрафбат

В небе заградотрядов
нет...

Антон Кротков

Воздушный штрафбат

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кротков А. П.

Воздушный штрафбат / А. П. Кротков — «ЛитРес:
Самиздат», 2014

Лётчика-истребителя Андрея Лямина должны были расстрелять, как труса и дезертира. В тяжелейшем бою он вынужден был отступить, и свидетелем этого отступления оказался командующий армией. Однако приговор не приведён в исполнение... Бывший лейтенант получает право умереть в бою... Мало кто знает, что в годы Великой Отечественной войны в составе ВВС Красной армии воевало уникальное подразделение — штрафная истребительная авиагруппа. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Уже второй день лейтенант Андрей Лямин ждал смерти. В камере тюрьмы, помимо Андрея, сидели ещё двое уголовников: матёрый «законник»* и молодой урка лет двадцати. Эти двое дезертировали из своей штрафной роты ещё в первых числах июля, когда передовые части немцев вышли к большой излучине Дона. Потом вся их рота в полном составе, с оружием перешла к немцам. Андрей так и не понял из рассказа вора по кличке Жора «Пляжник», куда делся заградотряд, который должен был стоять позади штрафников и пресекать любую попытку измены или бегства с передовой.

*Вор «в законе».

Дезертиры сумели выбраться из Сталинградской области, но на крупной железнодорожной станции Верхне-Тарасовка их при проверке документов задержал патруль железнодорожной охраны. Вохровцы передали подозрительную парочку в особый отдел НКВД. Теперь уголовникам грозила высшая мера наказания.

Молодой смуглолицый вор по кличке «Монгол» от страха перед скорым расстрелом, похоже, повредился в уме. Вначале он метался по тесной камере, словно загнанный зверь, рычал, стонал и плакал. А теперь уже пол дня как лежал на дощатом полу у стенки, упёршись остекленевшим взглядом в одну точку на потолке. В его раскосых азиатских глазах застыл ужас...

Зато второй сосед Лямина по камере совсем не был похож на обречённого смертника. Первым делом Жора «Пляжник» снял с Андрея сапоги:

– Тебе, лётчик-налётчик, кадыбы* всё равно не нужны. Тебе, фраерок, теперь или снова по небу на стальных крыльях летать или червей могильных кормить – вместе с этим коньком бзделоватой породы¹ – вор презрительно скосил глаз на неподвижно лежащего подельника.

* На уголовной фене – Хромовые сапоги.

¹Трус.

– А ты что же – заговорённой масти, раз смерти не боишься? – с вызовом поинтересовался у уголовника Лямин.

Вор лениво улыбнулся, обнажив крупные щербатые зубы и, собрав морщинки у жёлтых тигриных глаз, незлобиво ответил:

– Масти я в натуре самой фартовой. До войны гастролировал по пляжам Ялты и Одессы: лопатники¹, да сумочки у гладких краль и их интеллигентных мальчиков клеил. Иногда майданником ² подрабатывал: в поездах чемоданчики у курортной публики одалживал. Да в 41-м, когда фрицы к Москве подходили, на малине³ со знакомым крысоловом⁴ встретился. Тот богатую квартиру как раз только наколол и искал козырного напарника. Ну, думаю, лафа⁵ мне светит. Да приняли нас легавые на выходе из барыговой хаты. По законам военного времени, не мотая дело⁶, повели нас прямком к ближайшей стенке...

¹Кошелёк.

²Поездной вор.

³Воровская конспиративная квартира.

⁴Квартирный вор

⁵Счастье удача

⁶Вести следствие

Желая скоротать время за разговором, вор, не таясь, подробно рассказывал Лямину, как в последний момент, когда уже лязгнули затворы расстрельной команды, на месте событий случайно оказался со своей патрульной группой знакомый капитан из железнодорожной милиции. До войны он несколько раз лично ловил известного маршрутника* и по старой памяти замолвил за знакомого словечко перед коллегами.

* То же, что и майданник.

После месяца отсидки в «Таганке»* вора отправили с этапом в колымский лагерь. А уже оттуда, он добровольно отправился на сборный пункт под Казанью, где формировался штрафной батальон.

– Помню, перед первым боем литер¹ нам сопливаю молитву² прочёл про то, что, мол, кровью должны искупить свою вину и вернуть себе честное имя. Потом налетели немецкие самолёты – перемешали нашу роту с землёй. А уж, как их танки попёрли, так мы с кентом³ сразу винта нарезали⁴. К тому времени голубые фуражки⁵ со своими пулемётками уже в тыл подались.

* Таганская тюрьма

¹ Лейтенант

² Инструктаж

³ Товарищ

⁴ убежали.

⁵ Заградительные подразделения НКВД

Судя по его спокойной уверенности в себе, бывалый вор ни сколько не сомневался, что и на этот раз сумеет обмануть судьбу. К вечеру уголовников увели. Больше они в камеру уже не возвратились. А на следующее утро пришли и за Андреем...

Допрашивающий Лямина майор госбезопасности вёл себя на удивление корректно. Это был высокий осанистый красивый блондин лет тридцати пяти в хорошо подогнанном новеньком обмундировании. От чекиста пахло дорогим одеколоном и благополучием. Его жизнь явно проходила на безопасном удалении от передовой и была по-довоенному комфортной. Уже почти месяц небывший в бане и не менявший белья Лямин с восхищением и завистью отметил идеальный пробор причёски следователя. Невольное уважение также вызывал солидный «совнаркомовский»* кожаный портфель с двумя блестящими металлическими застёжками, небрежно брошенный хозяином кабинета на диван у стенки. Такой до войны можно было получить вместе с ответственной должностью или на худой конец купить на «чёрном» рынке за огромные деньги. Каждый советский чиновник мечтал однажды сменить свой скромный брезентовый портфель на такой символ служебного успеха.

Ещё большее впечатление на арестованного лётчика произвёл нагрудный знак «Почетный работник ВЧК–ГПУ», поблёскивающей эмалью над левым нагрудным карманом гимнастёрки собеседника рядом с новеньким орденом «Красной звезды».

*Совет Народных Комиссаров – с 1923 года высший исполнительный и распорядительный орган страны, то есть фактически правительство страны или союзной республики. Позднее преобразован в Политбюро СССР.

В начале разговора следователь любезно предложил Лямину раскрытую пачку со страшно дефицитными папиросами «Северная пальмира» (конечно, армейский офицер не мог знать, что каждому следователю госбезопасности выписывается определённое количество папирос для поощрения сознающихся и стукачей). Но главное, что глядел следователь на арестанта со спокойным, даже почти дружеским вниманием, совсем не так, как особист в штабе воздушной армии. Тот буквально сверлил Андрея своими свинцовыми недоверчивыми глазками и говорил с демонстративной неприязнью – рубленными, обильно сдабриваемыми матом фразами; и обращался только на «ты».

Этот же напротив вёл себя чрезвычайно культурно и даже деликатно. Он был похож на европейца – шведа или норвежца.

Перед тем как перейти собственно к допросу следователь подробно расспросил Андрея об условиях его содержания. Узнав, что арестованный командир почти двое суток провёл в одной камере с рядовыми дезертирами, да вдобавок ещё и уголовниками, майор страшно возмутился. Встав из-за стола, он раздражённым шагом несколько раз прошёлся мимо сидящего Лямина. Андрей, который успел за последние дни привыкнуть к постоянным обвинениям и оскорблениям, с благодарностью принял обещание могущественного офицера НКВД добиться наказания виновных в таком возмутительном самоуправстве.

Завоевав таким образом расположение подследственного, энкэвэдешник вернулся за свой стол и раскрыл папку с личным делом арестованного.

– Перед тем, как дать заключение для трибунала мне необходимо кое-что уточнить – будто извиняясь, пояснил он, не отрывая глаз от машинописного текста. – Поэтому расскажите мне ещё раз, гражданин Лямин, почему вы не выполнили приказ?

Этот вопрос прозвучал из уст следователя совсем буднично, словно речь шла не о преступлении, карающимся в условиях военного времени только смертью, а о банальной тыловой самоволке.

Андрею снова пришлось повторить свой рассказ о событиях, которые в течение всего одного часа превратили его из гордости семьи и друзей, любимца девушек – «сталинского сокола» в презренного преступника и труса...

В тот день его полк с раннего утра штурмовал немцев, рвущихся к высоте 102,0. Так на оперативных картах обозначался расположенный в центральном районе Сталинграда Мамаев курган. Владение этой позицией означало контроль над центральной частью города и волжскими переправами. Непрекращающиеся воздушные свалки с немецкими асами над Мамаевым курганом быстро обескровили части 8-й воздушной армии Юго-Западного фронта. Полк Лямина выполнил в тот день максимально возможное число боевых вылетов, и к вечеру фактически перестал существовать. Большая часть его лётчиков догорала в степи среди обломков своих машин. Для многих могилой стала Волга...

С седьмого задания уцелевшие лётчики полка вернулись незадолго до наступления сумерек. Хотя обычно уже после трёх полноценных вылетов пилоты едва стоят на ногах от усталости. Часто после такой тяжёлой боевой работы у молодых крепких парней не бывает сил даже сразу выбраться из кабины истребителя; у кого-то идёт носом кровь, кого-то тошнит. Температура у вымотанных до крайности людей поднимается до 38-39°. Состояние такое, что есть совершенно не хочется, все мысли лишь о том, как добраться до своей койки в казарменной землянке. Придешь туда, повесишь шлемофон, на брезент, ляжешь, а заснуть не можешь: перед глазами весь этот кошмар проходит. Обдумываешь, почему этот так пошел, а другой – вот так. Чтобы успокоиться и снять психологическое напряжение надо выпить сто грамм водки и быстрее лечь спать, так как утром снова в бой...

Но этот страшный день был ещё далёк от завершения. На войне лётчикам часто приходится работать на износ. Никого не волнует, что завтра из-за хронической усталости ты можешь потерять сознание при перегрузках затяжного боя или допустишь роковую ошибку, которая будет стоить тебе жизни. Вот и в тот вечер из штаба Воздушной армии вновь поступил безапелляционный приказ: срочно вылетать навстречу идущим к высоте 102,0 немецким бомбардировщикам. К этому часу в полку осталось только три исправных самолёта МиГ-3. Но приказ есть приказ...

Причём из штаба потребовали, чтобы в виду особой важности задания, атаку возглавил лично командир полка.

Майор Гречанин был заслуженным лётчиком – Героем Советского Союза, ветераном Испании и Халхин-Гола. Но после тяжёлого ранения, которое он получил в конце 1941 года под Ростовом, что-то сломалось в душе недавнего храбреца. Гречанин стал бояться летать! С представителями рискованных профессий такое иногда случается, даже с большими мастерами. Кому-то всё-таки удаётся преодолеть себя, а кому-то нет. Майор свой страх перебороть не смог...

Однажды сослуживец по секрету рассказал Лямину, что случайно слышал, как хорошо выпивший Гречанин честно признавался комиссару: «Ничего не могу с собой поделаться, Сергейч. Как только представлю, что надо сесть в самолёт, у меня всё внутри сжимается. Какой из меня теперь к чёрту боец, если я заранее чувствую себя жертвой!».

После возвращения из госпиталя в полк майор постоянно ходил «под градусом» и всеми правдами и неправдами пытался увильнуть от полётов. Но, тем не менее, подчинённые лётчики и техники любили его за незлобивый нрав и уважаемое в ВВС имя.

И вот наступил момент, когда Гречанину пришлось снова подняться в воздух. С собой он взял Лямина и ещё одного толкового лётчика. Правда, вскоре после взлёта двигатель на самолёте второго ведомого задымил, и ему срочно пришлось возвращаться. Поэтому дальше к цели пошли только майор и Лямин.

Андрей в малейших деталях помнил тот полёт: весь маршрут усыпан обломками наших и немецких самолётов. Многие машины сбиты совсем недавно и ещё горят. Вот и линия фронта. На земле идёт бой. Сквозь пелену гари едва видны взрывы, вспышки оружейных выстрелов. На востоке горит Сталинград... Весь город в пламени, будто огнедышащий вулкан. Дым от пожаров поднимается на километр-два и упирается в облака. Волги не видно, нет ее... Хотя она – огромная – в целый километр шириной, но вся затянута плотной чёрной пеленой...

Навстречу их паре надвигается армада самолётов. Вначале они похожи на комариный рой, но по мере приближения точки начинают обретать знакомые хищные очертания. Лямину никогда не приходилось видеть в небе одновременно такое огромное количество вражеских истребителей и бомбардировщиков. Тяжело груженные «Юнкерсы» и «Хенкели» неторопливо идут плотными строями на разной высоте. Между ними бойко снуют эскортные группы «Мессеров»^{*} и «Фоккеров»¹.

^{*} Немецкий истребитель «Мессершмитт» Bf-109

¹ Немецкий истребитель «Фокке-Вульф-190»

Воевать вдвоём на равных с такой мощной эскадрой невозможно. Остаётся только врезаться в плотные порядки противника, и если очень повезёт сбить или таранить несколько бомбардировщиков, прежде чем погибнуть самому. Лямин сжимается в комок. Теперь он сгусток нервной энергии и напряжённых мышц. Силуэты вражеских самолётов стремительно увеличиваются в размерах. До сшибки с ними остаются считанные секунды...

Как ни странно, но особого страха Андрей тогда не чувствовал, ноги у него не тряслись. Думать о смерти было некогда. Он просто работал ручкой управления и педалями, контролировал приборы, старался не оторваться от самолёта ведущего...

Неожиданный манёвр командира застал Лямина врасплох. Буквально в последний момент перед столкновением с противником Гречанин вдруг энергичным полупереворотом через крыло ушёл вниз и в сторону – вверх по Волге. Радиостанций на их «Мигах» не было, так что Андрей не мог связаться с командиром и узнать, в чём дело. Бросить его он тоже не имел права. Лейтенанту оставалось лишь повторить манёвр ведущего. Надвигающиеся тесные порядки немецких бомбардировщиков сразу пронесли мимо – наискосок и вверх. Андрею почему-то отчётливо впечатались в память куски аэродромной грязи, прилипшие к колёсам одного из немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерса-87», под «брюхом» которого он тогда проскочил. Причём Лямин не смог бы сейчас вспомнить, в какой цвет были выкрашены фашистские самолёты, что было намалёвано на их фюзеляжах, но эти куски чёрной жирной земли до сих пор стояли у него перед глазами...

Немецкие истребители их не преследовали. Похоже, у них был жёсткий приказ начальства: расчищать бомбардировщикам дорогу и обеспечивать им прикрытие над целью, не ввязываясь без особой нужды в схватки с русскими. Поэтому «Миги» без происшествий вернулись на аэродром, произвели посадку.

Зарулив на стоянку, Андрей на какое-то время потерял командира из виду. О том, что произошло дальше он узнал от прибежавшего приятеля своего техника. Тот был очень взволнован, говорил сбивчиво и с жадным любопытством почему-то смотрел на Лямина. В слова механика верилось с трудом. Тот уверял, что будто бы особист только что арестовал Гречанина. Но вскоре эта информация подтвердилась. По приказу комиссара личный состав полка был по тревоге выстроен на лётном поле для публичной экзекуции. Оказалось, что свидетелем бегства советских истребителей оказался сам командующий фронтом. Он как раз был на наблюдательный пункт на Мамаевом кургане и видел, как вместо того, чтобы хоть как-то попытаться прикрыть ключевую высоту от налёта немецких бомбардировщиков, пара «сталинских соколов» без боя уступила врагу дорогу.

Взбешённый Тимошенко приказал сразу после приземления расстрелять дезертиров. Но по неизвестной причине Лямин не разделил печальную участь своего командира. Можно было предположить, что за то короткое время, пока грозный приказ спускался из штаба фронта до уровня полка, кто-то из здравомыслящих начальников взял на себя ответственность его подкорректировать. Ведь в истребительной авиации главные решения принимает ведущий звена или пары, а ведомые обязаны выполнять его приказы. Лямина даже арестовали не сразу, а только сутки спустя. Так что за казнью командира он наблюдал из строя сослуживцев.

Майора привели под конвоем солдат аэродромной охраны. При аресте с гимнастёрки Гречанина «с мясом» сорвали ордена, сняли ремень. У арестованного было абсолютно белое, неподвижное лицо, как у покойника. Пока комиссар зачитывал короткий приговор бывший майор стоял, слегка пошатываясь, и глядел себе под ноги. Только когда особист стал вытаскивать из кобуры пистолет, Гречанин начал что-то торопливо говорить комиссару, с которым до всей этой печальной истории был очень дружен. В строю слов бывшего комполка почти не было слышно. До Лямина донеслись только обрывки отдельных его фраз. Гречанин что-то говорил о своей жене и детях. Видимо, он просил бывшего друга позаботиться о своей семье. Потом грохнул выстрел...

На протяжении всего рассказа следователь ни разу не перебил Лямина. Лишь иногда он делал какие-то пометки, да и то не в личном деле подследственного, а в небольшом блокноте. Когда Лямин закончил говорить, чекист подытожил:

– С ваших слов следует, что вы, как будто ни в чём не виноваты. Даже напротив: выполнили приказ непосредственного командира. А между тем приказ Народного комиссара обороны за номером 227 прямо говорит: «Ни шагу назад!».

На несколько секунд задумавшись, майор бегло процитировал по памяти строки названного документа: «Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины...».

– То есть, вы фактически отступили с боевой позиции вместе со своим командиром. Вы это понимаете, Лямин?

Андрей подавленно молчал. С того момента, как расстреляли майора Гречанина, он не надеялся на снисхождение. Единственное чего он желал, чтобы поскорее как-то решилась его судьба. Хуже всего было жить в состоянии выматывающей неопределённости.

Но неожиданно следователь заговорил о том, что даже, несмотря на всю тяжесть совершённого Ляминым преступления, советская власть не рассматривает его, как неисправимого преступника.

– Вы хороший лётчик. Я навёл справки: за вами числятся четыре сбитых самолёта врага.

– Три – машинально поправил Андрей.

– Не принципиально. Главное, что вы хороший храбрый лётчик. Сейчас на фронте острая нехватка квалифицированных авиационных кадров. Так вот, есть распоряжение за определённые преступления направлять грамотных представителей вашей воинской специальности в особую авиационную штрафную часть.

Лямин не верил своим ушам. Он много слышал о пехотных штрафбатах, но об авиационном подразделении такого рода – впервые.

– Вы понимаете, Лямин, какое советская власть оказывает вам высокое доверие? Ведь вам снова доверят самолёт и дадут возможность искупить вину в бою.

Следователь стал рассказывать Андрею, что, честно сражаясь, он даже сможет вернуть себе офицерское звание и ордена. Также по представлению командования в будущем его могут перевести в обычную часть.

– Если вы согласны, подпишите это – чекист подвинул Лямину какой-то листок. Андрей взял его. Но он был так взволнован, что никак не мог сосредоточиться на тексте: все мысли Андрея крутились вокруг главной новости «Ему оставляют жизнь, но главное – он снова будет летать!».

Видя его состояние, следователь с понимающей улыбкой вновь протянул ему пачку с папирусами:

– Да вы не спешите. Читайте спокойно. Самое страшное для вас уже позади.

Предлагаемый Лямину документ был приложением к приговору трибунала. А точнее это была своеобразная расписка. Будущий штрафник брал на себя обязательство не совершать вынужденную посадку в тылу немцев, не покидать с парашютом подбитый самолёт над вражеской территорией, не выходить из боя без приказа командира. За нарушение любого из двадцати восьми пунктов данного документа он автоматически приговаривался к немедленной смертной казни. Также репрессиям подлежали его родственники. В тексте были указаны адреса матери и всех членов семьи старшей сестры Лямина.

Ещё в документе имелся странный пункт, обязывающий нижеподписавшего сотрудничать с органами военной контрразведки. Следователь особо остановился на этом месте в

тексте. Он пояснил Андрею, что тот обязан раз в месяц составлять для Начальника особого отдела части небольшую докладную записку о настроениях сослуживцев и командиров, о подозрительных разговорах и прочих происшествиях.

– Это будет лучшим проявлением благодарности с вашей стороны, – голос следователя зазвучал совсем по-дружески. Он даже впервые назвал арестованного просто по имени: – Ведь в моей власти, Андрей, было придать твоему делу такой вид, что тебе не то, что самолёт, даже винтовку не доверили бы. А так ты ещё станешь полковником, вот увидишь.

После того, как Лямин поставил под документом свою подпись, довольный следователь заговорщицки ему подмигнул и снова зачем-то вышел из-за стола. Он направился к высокому шкафу, что стоял у двери, а вернулся с парой сапог. День назад их снял с Андрея беззаговорочно верящий в свою счастливую звезду Жора «Пляжник». Но в отличие от вора Лямину действительно посчастливилось в этот раз обмануть смерть.

На аэродром отдельной штрафной авиагруппы Лямина привезли под конвоем. Принять арестованного должен был лично командир части. Но оказалось, что он недавно вылетел на задание.

Выйдя из штабной землянки, начальник конвоя – очень важный на вид младший лейтенант раздражённо приказал подчинённому старшине караулить арестованного, а сам куда-то ушёл. Минут сорок Андрей, словно зэк на пересылке, просидел на траве под бдительным присмотром конвойного. Всё это время сновавший мимо аэродромный народ с любопытством поглядывал в сторону молодого арестанта и его охранника.

Наконец, вернулся с задания командир авиачасти. Начальник конвоя перехватил его у самого штаба. Со своего места Лямин видел, как младший лейтенант протянул на подпись акт о доставке арестованного невысокому мужчине лет 30, и небрежно кивнул в сторону Андрея. Лётчик бросил оценивающий взгляд на Лямина, ловко обогнул стоящего напротив энкэвэдэшника, и быстрым шагом направился к новому подчинённому.

При приближении этого человека Андрея словно подбросила какая-то сила. Вскочив на ноги к большому неудовольствию бдительного старшины, он одёрнул на себе гимнастёрку. Рука привычно потянулась для отдания части, чеканный рапорт заиграл на губах. Но в следующее мгновение Лямин вдруг вспомнил о потерянной при аресте пилотке и о том, что теперь он уже бывший лейтенант. Надо было привыкать униженно именовать себя по-новому: «осуждённый такой-то». От одной мысли о необходимости выдавить из себя столь омерзительную фразу гортань молодого человека свело спазмом.

Коренастый лётчик с ходу протянул Лямину свою широкую ладонь для рукопожатия и представился:

– Капитан Нефёдов, Борис Николаевич, командир особой авиагруппы.

Растерявшийся Андрей медлил с ответом, продолжая лихорадочно соображать, как ему откомендоваться.

Капитан сам пришёл ему на помощь, деловито поинтересовавшись:

– На «Яках» летал?

– Летал – не моргнув, соврал Лямин, больше всего опасаясь, что «покупатель» его забракует.

– Красавец! – поставил ему промежуточную оценку командир и тут же задал следующий вопрос:

– Где воевал?

Андрей торопливо стал перечислять фронты, на которых пришлось летать с начала войны.

– Значит обстрелянный – удовлетворённо заключил Нефёдов, и быстро развернулся всем корпусом в сторону подходящего к ним начальника конвоя.

– Что же ты делаешь? Он же боевой лётчик, заслуженный фронтовик! А ты его, словно последнюю... на глазах у всей части позоришь. Ему завтра в бой идти, возможно, за линию фронта. А ты его мне под расписку сдаёшь, как беглого каторжника, которому доверия нет.

– У меня приказ – обидчиво поджал губы младший лейтенант. – И вы, товарищ капитан, демагогию тут не разводите. Не забывайте, с кем разговариваете.

– Ладно, не забуду – задиристо пообещал Нефёдов. Он быстро подписал акт и демонстративно повернулся к энквэдэшнику спиной – лицом к Лямину.

– Пойдём, стажёр, послушаешь инструктаж. Сразу начинай входить в курс дела. Через двадцать минут идём двумя эскадрильями сопровождать «пешки»*. Пока без тебя... Завтра с утра устрою тебе экзамен на технику пилотирования. Если не соврал про боевой опыт, тоже начнёшь работать. Времени на раскачку у нас тут нет. Если первые пять вылетов переживёшь, то переведу из стажёров в штатники...

* Советский пикирующий бомбардировщик Пе-2.

Капитан выглядел, как настоящий «воздушный волк»: бронзовый загар, шевелюра непокорных русых волос, энергичное обветренное лицо с сильными скулами и шрамом над правой бровью. Голос с мужественной хрипотцой. Даже разговаривая, он не выпускал изо-рта небольшую диковинную трубку сделанную в виде головы Мефистофеля. На его выгоревшей от солнца, просолёной потом гимнастёрке красовались сразу два ордена «Красного знамени», монгольский орден с перекрещенными кривыми саблями, орден «Красной звезды» и ещё какой-то, неизвестный Лямину иностранный орден. Такой «иконостас» не часто можно было встретить даже в гвардейских частях, ведь до войны и в первый её период награждали редко. Всё в нём было необычно и выразительно, даже его кавалерийские галифе, – очень широкие вверху и обтянутые на икрах, заправленные в черные сапоги из мягкой кожи.

На голове капитана лихо, чуть наискосок сидела сильно помятая фуражка. «Капуста»* на её околыше и крылышки на тулье были не железными – стандартной заводской штамповки, – а вышитыми золотой и серебряной нитью. Такая роскошь полагалась только старшим офицерам. Но необычный капитан, судя по всему, привык поступать наперекор существующим правилам. Вместо стандартного пистолета ТТ или «Нагана» Нефёдов носил на длинном ремешке через плечо «Маузер» в массивной кобуре.

* Сленговое название авиационной кокарды.

В штабном блиндаже было тесно от собравшихся людей. В воздухе плавали сизые облака табачного дыма. При появлении командира все голоса сразу смолкли. Перед тем как перейти к постановке задачи, Нефёдов хитро прищурился на молодого весельчака с удивительно подвижным хитрым лицом:

– Слышал я, Лёдя, будто вы сегодня «Фоккера» на выходе из боя завалили. Почему я пропустил сей знаменательный момент?

Лётчик, к которому обратился командир, отвечал ему колоритным южным говором:

– Точно, командир! Я просто плачу, раз вы не видали, как я дал копоты этому дракону. Я, как только его срисовал, сразу мысленно говорю ведущему: «Жера, поддержи мой макинтош!»¹ Короче, разуйте все глаза, щас Лёдя Красавчик будет давать стране угля. И он дал, чтоб вы знали, командир! Воду этому «Фоккеру», значит, выпустил*, мотор у стервятника заклинило, и он колом в землю вошёл. В натуре картина маслом получилась!

*Имеется в виду повреждение жидкостной системы охлаждения двигателя немецкого самолёта.

¹На одесском жаргоне соответствует русскому выражению «Иду на Вы!». Первый, кто употребил этот термин, перед дракой снял макинтош и дал его поддержать своему секунданту Жёре (за пределами Одессы – Георгий).

– Вы мне просто начинаете нравиться, Лёня! – сделал изумлённое лицо Нефёдов. – Где же вы прищучили такого диковинного зверя. Это ведь у «Мессера» двигатель жидкостного охлаждения, а у «Фокке-Вульфа» – двенадцатилопастной охлаждающий вентилятор под капотом стоит.

Под взрыв всеобщего хохота смутившийся пилот принялся оправдываться, что, де, мол, наверное, ему почудилось, будто вражеский истребитель потерял воду и падает.

Нефёдов взмахом руки прервал его:

– Садись уж, фантаст! И учти, Одесса, ещё раз тебе что-нибудь в этом роде почудиться, я те устрою выход на кислород!*

– Командир, не имейте меня за адиота, я всё понял! (ударение на второй слог) – пообещал рассказавший одессит.

Выяснив вопрос с одним подчинённым, Нефёдов обратился к другому. Глаза его потемнели от гнева, в голосе появилась сталь:

– Почему сегодня снова бросил группу и возвратился на аэродром? Опять мотор забарахлил, оружие заклинило, или живот резко заболел, как позавчера? Учти, Решетников, у нас тут не воспитательное учреждение, а штрафбат... Пойдёшь на сопровождение «пешек» моим ведомым. И не дай бог тебе по дороге потеряться, – лично пристрелю после посадки вот из этого «Маузера»!

– А, по-моему, тут всё ясно, и ваша любительская педагогика будет излишней.

Капитана перебил невзрачного вида полноватый мужчина в очках и с петлицами майора ВВС на гимнастёрке. Внешностью и манерой речи он напоминал конторского счетовода. Майор высокомерно сообщил Нефёдову, что уже поговорил с инженером эскадрильи и выяснил, что самолёт данного пилота совершенно исправен.

– Решетников трус, а вы с ним нянчитесь, – продолжал особист. – Если вы, как командир не справляетесь, то позвольте особому отделу навести порядок.

– Не спеши, Лакеев – набылчился на майора комполка. Он сразу стал похож на бойца, вставшего в боксёрскую стойку: одна нога чуть впереди, подбородок слегка опущен, покачанные плечи напряжены и едва заметно шевелятся, будто готовые выстрелить в противника быстрыми ударами чугунных кулаков. – Ты что ли вместо него в бой пойдёшь? Учти, у меня лишних лётчиков нет, чтобы заменить Решетникова.

– Ну, зачем же я – майор слегка обнажил в улыбке зубы и хищно блеснул стёклами очков. – Вместо него на задание пойдёт новенький...

* На одесском жаргоне фраза «выход на кислород» означает выкидывание вышибалами оскандалившегося клиента из увеселительного заведения.

Вначале задачу пилотам части поставил командир: они прикрывают группу пикирующих бомбардировщиков, которые должны разрушить созданную немцами ниже Сталинграда понтонную переправу:

– Идём двумя группами: звено Шафирова непосредственно прикрывает «бомберы», моя группа – ударная.

Присутствующий на совещании офицер штаба дивизии уточнил на штабной карте, висящей на стене землянки, место встречи с бомбардировщиками и маршрут движения к цели:

– Вылет через пятнадцать минут, к Волге подходите со стороны села Лучки.

Нефёдов бесцеремонно перебил размеренную речь штабного:

– Сожгут на подходе. Тевтоны нас как раз там и поджидают. Нет, это не годится.

– Вы что же отказываетесь выполнять утверждённый командованием приказ? – лицо штабника от изумления вытянулось.

– Нет, не отказываюсь – пожал плечами капитан. – У меня есть задание без потерь вывести бомбардировщики к переправе. Так позвольте мне самому выбрать маршрут. На моём «Яке» установлена радиостанция, так что я в качестве лидера поведу группу. Всё, братцы, по коням!

Но тут снова заговорил майор-особист. Он сообщил, что за каждым пилотом группы прикрытия будет персонально закреплён бомбардировщик, и зачитал список. Лямин, который был прикомандирован к звену, непосредственно прерывающему «Пе-2», отвечал за «пешку» под номером 12.

– Предупреждаю вас об ответственности, – многозначительно обводя взглядом лица пилотов, продолжал майор. – Тот, чей бомбардировщик будет сбит по дороге к цели или на обратном пути, ответит за это по законам военного времени...

Пока Андрея не слишком волновала висящая над ним ответственность за бомбардировщик. Ведь до встречи с ним ещё надо было долететь. А между тем Лямин больше всего опасался, что его посадят на «Як», который он ни разу не пилотировал. Но оказалось, что в штрафном полку есть только четыре дефицитных истребителя «Як-1», которые закреплены за Нефёдовым, его заместителем и их ведомыми. Остальной авиапарк части составляли сильно потрёпанные «чайки» и «ишачки»*. Для Лямина так и осталось загадкой, зачем командир спрашивал его об умении пилотировать истребитель Яковлева.

* Истребители устаревшей к началу войны конструкции: биплан И-153 «Чайка» и И-16, именуемый в частях «Ишачком».

Андрею предстояло идти в бой на «ишачке» с бортовым номером «3». При встрече с ним пожилой механик самолёта повёл себя так, будто это Лямин нёс персональную ответственность за то, что прежний пилот «тройки» стал жертвой особиста. Техник сухо доложил новичку о готовности машины к боевому вылету. При этом он хмуро глядел лётчику в пуговицу воротника гимнастёрки. Приняв доклад, Лямин подошёл к незнакомому ястребку, пытаясь угадать в его облике знаки удачи или беды. У каждого самолёта – свой нрав и судьба. Одна машина, даже получив серьёзные повреждения, на последнем издыхании мотора вынесет своего пилота из ада боя. А другая – скапотирует* на ровном месте.

*Перевернётся и разобьётся при посадке.

Ещё когда Андрей расписывался в кабинете следователя под согласием не покидать машину над вражеской территорией, он решил для себя, что отныне не будет брать в полёт парашют. «Если самолёт загорится, спикирую на немецкую колонну или батарею, но в плен не попаду» – твёрдо решил Лямин. Перспектива явиться причиной несчастий близких людей пугала его намного больше, чем возможность смерти.

Чтобы не так жёстко было сидеть на тонком дюралюминиевом кресле*, Лямин попросил механика накидать на сиденье каких-нибудь тряпок или чехлов. Технарь равнодушно, не задавая вопросов, выполнил его просьбу. Он пристегнул Андрея ремнями к креслу и принялся тщательно протирать стекло «фонаря»¹, чтобы на нём не было заметно точек, которые лётчик в воздухе мог ошибочно принять за приближающиеся вражеские самолёты.

Неожиданно к самолёту Лямина подошёл командир. Техник сразу прыгнул с крыла ему навстречу. Он что-то быстро сообщил капитану.

– А ну-ка, самурай, вылезь! – крикнул Нефёдов Лямину. – Это не тебе не гроб, а боевая машина.

Командир крепким матом обложил Андрея и потребовал, чтобы он немедленно надел парашют. Дождавшись, пока Лямин выполнит его приказание, капитан, быстро оглянувшись по сторонам и понизил голос почти до шёпота:

– Запомни, салага, ты свою жизнь Родине, матери, невесте, будущим детям должен, а не разным Лакеевым! Не повторяй чужих ошибок, и не думай, что раз тебя в штрафники списали, так ты уже смертник. Мы тут воюем, а не ищем способ побыстрее полный рот земли набрать. Ты меня понял, стажёр?

* Применявшийся в ВВС Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) парашют системы ПЛ-ЗМ был устроен таким образом, что пилот в кабине сидел на нём (на парашютной сумке), как на подушке.

¹ Верхняя раздвижная часть остекления кабины.

Воздух на высоте 3000 метров был прозрачен. Поэтому видимость была прекрасной. Идущую на соединение с ними группу из 16-ти бомбардировщиков Лямин заметил на расстоянии нескольких километров.

И вот вся формация в сборе. Группа непосредственного прикрытия, в которую входил Лямин, идёт вплотную к «пешкам». При встрече с ними Андрей сразу нашёл бомбардировщик с большой цифрой 12 на фюзеляже и киле и пристроился рядом.

Ударную группу не видно: она постоянно перемещается, патрулируя воздушное пространство вокруг бомбардировщиков.

И всё-таки недалеко от цели конвой проморгал внезапную атаку противника. Лямин понял, что произошло, лишь когда спикировавший со стороны солнца «Фоке-Вульф-190» открыл огонь. Вначале Андрею даже показалось, что немецкий охотник коварным ударом сбил именно его – 12-ю «пешку»! У Лямина сразу стала мокрой от пота спина. После первого шока и чувства ужаса в душе поднялась волна гнева, возникло сильное желание хотя бы отомстить фашисту за сбитый экипаж бомбардировщика. Но вражеский «эксперт» использовал так любимую немецкими охотниками тактику: «ударил-убежал». В его планы вовсе не входило ввязываться с русскими истребителями в рискованную борьбу на горизонтальных виражах. Всё, что теперь напоминало о подкараулившем свою жертву «Фоккере», это висящая в небе копоть от его двигателя, работавшего в момент бегства на форсаже*.

*Максимальном режиме.

Андрей стал осматриваться, ища на земле место, где упал его 12-й. Но тут выяснилось, что самолёт с таким номером продолжает лететь! Видимо, во время атаки его пилот успел

уйти в сторону, и теперь заветный бомбардировщик просто занимал другое место в общем строю.

«Так кто же сбит? И где его опекун?» – спрашивал себя Андрей, крутя головой. Вскоре он обнаружил, что исчез лидер бомбардировочной группы с надписью: «За Петра Хроменко!» на борту. «Ишачок» под номером «9», пилот которого нёс персональную ответственность за этот самолёт, тоже куда-то испарился. Впрочем, долго ломать голову над тем, куда подевалась «девятка» не было никакой возможности, ибо вдали показалась Волга.

И вот они над фашисткой переправой. Пикирующие бомбардировщики начали спокойно, как на полигоне работать, выполняя один заход на вражеский понтонный мост за другим. Боевой порядок истребителей над целью – обычный в такой ситуации: группа непосредственного прикрытия – на внешней стороне круга своих бомбардировщиков, другая находится выше «пешек» на случай появления неприятельских истребителей.

Бомбардировщики долго не могли добиться прямых попаданий в мост, по которому даже под бомбами продолжали ползти на другой берег реки серые коробочки немецких танков.

Внезапно откуда-то сверху камнем упал пропавший И-16 под номером «9», – тот самый, что сопровождал сбитую командирскую «пешку». Не выходя из отвесного пикирования «ишачок» врезался в мост, разрушив его почти посередине. Было похоже на то, что пилот этого истребителя, помня о том, что его ждёт после посадки за потерянный бомбардировщик, предпочёл героическую смерть в бою позорному расстрелу перед строем товарищей...

Всё время атаки зенитки с земли вели по атакующим мост самолётам массированный заградительный огонь, но потом внезапно смолкли – появились немецкие «Мессершмитты». Наши истребители тут же вошли в вираж, завязалась «собачья свалка» воздушного боя...

В этом бою Борис Нефёдов чувствовал себя в ударе. Ему всё сегодня удавалось. У людей творческих профессий, – а ремесло лётчика-истребителя Нефёдов считал делом творческим – периодически случаются пики формы, когда всё получается с поистине моцартовской лёгкостью.

Уже в первую минуту завертевшейся карусели боя капитан в блестящем стиле буквально срубил пушечной очередью зазевавшегося немца. И тут же, развернувшись буквально на пяточке – за счёт фантастической манёвренности своего лёгкого самолётника, – зашёл в хвост другому «Ме-109». Но тот ушёл из-под огня ловким переворотом. Догнать в пикировании на «Як-1» «Мессершмитт-109» – крайне сложно. Обшивка фюзеляжа у «Яка» тряпичная, а у 109-го – прочный цельнометаллический корпус. Инструкция по пилотированию истребителя Яковлева прямо запрещала лётчикам развивать скорость в пикировании свыше 630 км/час во избежание катастрофического разрушения самолёта.

Для сравнения «Мессершмитт» Bf-109 в такой же ситуации «выдавал» на 100 км/час больше! Поэтому преследовать врага можно было только, ежесекундно рискуя потерять по дороге собственные крылья и хвост. Но в азарте погони Нефёдов никогда не думал о том, что из-за запредельных перегрузок «скелет» его самолёта, сваренный на бывшем заводе комбайнов в Саратове из тонких труб, может просто не выдержать и сломаться. «В критической ситуации отпусти удила, дай машине полную свободу, и она не подведёт!» – любил говорить Борис в ответ на упрёки командиров и дружеские советы не рисковать. Но его ведомый, видимо, не решился на чрезвычайно опасное пикирование, и оторвался в самом начале преследования.

Скорость увеличивалась с головокружительной быстротой. Рядом с кабиной появилось белое облачко близкого разрыва, но его тут же отнесло назад. Пускай по тебе кто-то стреляет, сейчас важно не отвлекаться от главного...

Борис буквально повис на привязных ремнях. Обеими руками он крепко сжимал ручку управления, впившись взглядом в несущийся впереди серо-зелёный силуэт «Мессера». Нефёдов снова почти догнал выбранную жертву на две тысячи метров ниже высоты первого контакта с ней, но противник и в этот раз попытался оторваться от «Яка» эффективным переворотом. До речной поверхности оставалось метров восемьсот не больше. Капитан снова бросился в погоню за акробатом. Но тот, не рассчитав манёвр, нырнул в тёмную воду. Видимо, немецкий лётчик не учёл, что при выводе из пикирования истребитель «Me-109» даёт большую просадку.

Несущийся следом Борис, едва успел выдернуть свой самолёт из крутого падения. На какое-то время кровавая пелена от максимальной перегрузки застлала Нефёдову глаза. В ушах раздался протяжный звон. Возникло такое ощущение, будто позвоночник скручивается, словно бельё после стирки. Кости буквально затрещали, а внутренности устремились из живота в горло. Щёки подтянулись к глазным впадинам; все мышцы лица стянуло под воздействием центробежной силы. Весь самолёт заскрипел и застонал, готовый вот-вот с треском разломиться пополам. Но к счастью стальной скелет «Яка» выдержал суровое испытание.

Набирая высоту, Нефёдов мельком обернулся поглядеть: не вынырнет ли немецкий лётчик. Но в том месте, куда рухнул «Мессер», было видно только большое радужное пятно, расплывающееся по речной поверхности. Только теперь Борис заметил, как близко, смертельно близко была вода. По спине пробежал столь знакомый неприятный холодок. Из его ноздрей текли тёплые струйки крови...

Сделав крутую горку в сторону солнца, капитан огляделся, переводя дух и выбирая следующую жертву. Поискав глазами вокруг себя, он вдруг увидел, как в хвост И-16-му под номером «3» пристраивается «Мессер». Вот немец открыл огонь по «тройке», в которой находился только сегодня прибывший в часть молодой лётчик. Судя по белым хлопкам дыма, оставляемым «ишачком», жить этому Лямину оставалось меньше минуты. «Что же ты, стажёр, мать твою, зеваешь!» – заскрежетал зубами Нефёдов. Из-за того, что на «ишачке» не было радиостанции, он не мог предупредить новичка о смертельной опасности и подсказать, как ему уйти из-под удара.

Не раздумывая, Борис спикировал навстречу атакующему «Мессеру». Немец тут же бросил дымящий «ишачок» и пошёл в лоб «Яку». У несущихся навстречу друг другу со скоростью пули пилотов было не более секунды на то, чтобы выстрелить и отвернуть от столкновения. Нефёдову стало не по себе: в полом валу винта «Мессера» таилось тридцатимиллиметровое пушечное дуло. В комплекте с двумя крупнокалиберными пулемётами MG-15 фашист мог в считанные минуты раскурочить легкобронированный танк. А уж от такой тряпично-фанерной этажерки, как его «Як», только клочья обшивки полетят...

В такой ситуации Борис предпочёл бы находиться в кабине не «Яка», а старого доброго И-16 – под защитой его массивного радиального мотора. В лобовой атаке «широкий лоб» «ишачка» надёжно защищал пилота от прямого попадания пуль и снарядов. А, кроме того, чрезвычайно живучий мотор М-25, даже получив изрядную порцию осколков, способен дотащить лётчика до родного аэродрома и с неработающими двумя-тремя цилиндрами.

Пилоту остроносого «Мессершмитта» с его привередливым двигателем жидкостного охлаждения, напротив, в лобовой атаке оставалось надеяться только на собственную реакцию, везение и огневое превосходство, ибо даже в случае одного хорошего попадания в козырёк его кабины (прозрачная броня спасала только от пуль, но не от снарядов) или в мотор, рассчитывать парню из Люфтваффе было не на что.

«Як» Нефёдова уступал по живучести, как «Ишачку», так и «Ме-109» – достаточно в двигатель «Яковлева» залететь крохотному осколку, зацепить там какой-нибудь патрубок и – все...

Зато немец имел отличный шанс точно выстрелить первым, ведь в кабине его «Мессера» был установлен совершенный коллиматорный прицел «Реву 16В»*, тогда как на русском «Яке» для захвата мишени использовался обыкновенный круг с перекрестием в центре, – примитивно нарисованный на лобовом стекле кабины.

* В коллиматорном прицеле кольцо и мушка изображались с помощью зеркала и электрической лампочки в виде световых меток на прозрачной пластине перед лётчиком. Этот тип прицельных приспособлений был значительно удобнее и эффективнее механических, и способствовал уменьшению нагрузки на глаза пилота.

И всё-таки Нефёдов, как ему показалось, первым поймал немца в прицел и нажал гашетку. «Мессер» окутался чёрным дымом и начал нелепо заваливаться на крыло, вот-вот готовый перевернуться серым брюхом вверх, – словно убитая акула.

В эту же секунду в кабине «Яка» раздался оглушительный хлопок. Перед глазами Бориса разлетелся сноп искр. На какую-то долю секунды Нефёдов потерял сознание, а когда очнулся, – понял, что падает. Кабину заполнил едкий дым. Из-под приборной доски на лицо лётчика брызгало горячее масло из повреждённого маслорадиатора. Осколки разбитых лётных очков¹ впились в лицо, и кровь, смешиваясь с маслом, бурой обжигающей жижей заливала правый глаз.

Но самое страшное, что не удавалось вывести беспорядочно кувыркающийся самолёт из штопора. Чудовищная сила прижимала пилота к креслу, давила на грудь, так что трудно было дышать и даже малейшее движение рукой или ногой – стоило лётчику огромных усилий. Тугая струя холодного воздуха, со свистом врывающаяся через посечённый осколками фонарь, била в лицо.

Нефёдов дал ручку штурвала на вывод. Но ещё несколько секунд назад такая послушная, на этот раз машина никак не отреагировала на действие человека. Также глух «Як» оставался к энергичной работе педалями и регулятором сектора газа. Хотя мотор продолжал работать на прежних оборотах, но машину не удавалось перевести в пологое пикирование. «Похоже, повреждена плоскость* и перебита тяга сектора газа – машинально отметил Борис и присвистнул: – Вот так фокстрот!».

Вдобавок из-под капота двигателя стали выбиваться языки пламени. Огонь быстро подбирался к кабине. Борис прекрасно знал, что фанерные самолёты сгорают за считанные минуты. Прыгать! Он рывком расстегнул замок плечевых ремней, но тут же мелькнула мысль: «Куда прыгать? Внизу немцы!». Да он бы и не смог выбраться из штопорящего самолёта. Земля стремительно приближалась, бешено вращаясь....

¹ В открытых кабинах (кокпитах) лётные очки защищали глаза лётчиков от сильного ветра. Но и в закрытых кабинах поршневых самолётов, из-за того, что они не были герметичными, очки защищали глаза пилотов от сквозняков. Во время «собачьих свалок» воздушных боёв, очки, хотя и затрудняли зрение и ограничивали боковой обзор, но, тем не менее, надевать их приходилось, ибо при резких манёврах (особо вертикальных) с пола кабины поднималась пыль (невольнo заносимая туда на подошвах сапог), которая могла повредить глаза. А, кроме того, очки могли спасти глаза лётчика от «железных ос» – мелков осколков стекла и обшивки своего же самолёта, которые отскакивали в кабину от ударов вражеских пуль.

* Крыло.

Глава 2

– Эй вы, слабаки, кидайте камни сильнее! Метьте мне прямо в голову – подначивал двоих мальчишек лет десяти статный юноша с красивым самоуверенным лицом и светлыми волосами. Раззадоренные ребята носились по берегу реки в поисках увесистых камней с острыми краями, чтобы, наконец, поразить одним из них насмешника. Но молодой атлет играючи уворачивался от летящих в него снарядов. Причём делал он это с удивительной грацией, по-боксёрски пританцовывая на носках, и не прекращая подшучивать над постепенно свирепеющими пацанами:

– Ну что же вы – с трёх метров попасть не можете, мазилы! Засадите мне в лоб, а ещё лучше по зубам, чтобы я, наконец, заткнулся.

– Прекрати, Артур! Они же действительно могут в тебя попасть – взволнованно крикнула юноше одна из двух наблюдающих за опасным трюком девушек. Это была пухленькая блондинка с милым, но простецким лицом, на котором легко читались переживаемые девушкой эмоции. Её симпатичная темноволосая подруга тоже стала убеждать Артура прекратить опасную игру. И только стоявший рядом с девушками невысокий парень с иронией высказался за продолжение испытания:

– Не мешайте Королёву готовиться к поединку с Джо Луисом*. Кстати, первый шаг к этому бою наш славный Артурчик уже сделал, заняв третье место на открытом чемпионате шарикоподшипникового завода, о чём свидетельствует значок на лацкане его заграничного пиджачка.

* Речь идёт о знаменитом советском боксёре довоенной эпохи Николае Королёве и чернокожем чемпионе мира среди профессионалов.

За красавца-боксёра тут же вступилась блондинка:

– Вечно ты, Борька, со своими шпильками! Так и скажи, что просто завидуешь Артуру. Он и драться умеет и танцует лучше всех в школе.

– О, разумеется, Василиса Прекрасная, ваш Артурчик – само совершенство. Обещаю, что после того, как он уложит на настил ринга американского чемпиона, вы закружитесь в великолепном танце. Публика будет глазеть на вас, раскрыв рты от восхищения.

Зина Васильева густо покраснела и обозвала насмешника дураком. Хотя она, действительно, как, впрочем, и большинство учениц их класса, была влюблена в первого отличника, спортсмена и красавца Артура Тюхиса. Сам же предмет тайных девичьих грёз в последнее время очень интересовался второй присутствующей здесь юной особой – Ольгой Тэсс. Но в отличие от Зины, которую буквально ослепляло звёздное сияние личности Тюхиса, Ольга смотрела на оказывающего ей знаки внимания поклонника критично: «Слишком красив, слишком самовлюблён, слишком самонадеян».

Для Ольги идеалом настоящего мужчины был её отец, хотя он никогда не пытался с помощью красивой одежды компенсировать свою заурядную внешность. Сколько Ольга его помнила, отец всегда ходил на службу в одном и том же стареньком костюме. Даже работая несколько лет в советском торговом представительстве в Берлине, он старался через возвращающихся в СССР коллег посылать посылки с заграничными вещами жене и дочери, но практически ничего не приобрёл себе лично. Из-за постоянной занятости на службе отец даже не выучился сносно танцевать. И, тем не менее, Ольга видела, что её мать любит отца, и она понимала за что. Ведь в семейной жизни такие качества мужчины, как надёжность, спокойный приветливый нрав гораздо важнее элегантной оболочки и умения говорить женщине красивые слова.

Между тем Артур уже вышел абсолютным победителем из испытания на ловкость и реакцию. Он чувствовал себя героем и ждал хотя бы сдержанной похвалы от той, ради которой рисковал своим безупречным лицом. Но затесавшийся в их компанию Борька Нефёдов опять всё испортил очередной шуточкой:

– Я слышал, что где-то на Востоке тоже есть похожий обычай устраивать игру вроде нашего штурма снежной крепости. Только у них в Азии снега нет, поэтому накануне праздника там принято лепить комки из смеси особой глины с ослиным помётом, и кидаться ими друг в друга. Тот, от кого вечером меньше воняет и признаётся победителем...

С высоты своего гренадёрского роста Артур смерил насмешника презрительным взглядом. Их взаимоотношения представляли собой затяжной конфликт, периодически переходивший в драки. И хотя Тюхис был выше и сильнее Нефёдова он ещё ни разу не брал верх в подобных стычках над противником. А всё потому, что его заклятый враг водил дружбу с уличной шпаной. Дружки научили Борьку многим приёмам из арсенала уголовного мира, которые не преподавали в спортшколах. С их помощью можно было гораздо вернее одолеть противника, чем боксёрскими хуками и оперкотами. Артур уже испробовал на себе внезапный удар головой в лицо, а также «датский поцелуй» – выпад, состоящий из трёх ударов: кулаком правой руки в лицо, локтем левой руки в живот и носком ноги в голень или коленом в пах.

После получения такого чрезвычайно болезненного опыта Артур решил впредь давить противника презрением, не доводя дело до драки. Вот и теперь, взглянув на недомерка, словно на зловредное насекомое, Тюхис затеял с девушками очень приятный для него разговор о предстоящем танцевальном вечере в клубе Медико-санитарных работников «Красный Октябрь», что находился возле Яузских ворот.

В этот момент молодые люди шли по пешеходной дорожке старого железнодорожного моста через Москва-реку. Неожиданно для всех Борька вдруг вскочил на перила ограждения и начал отбивать на них лихую чечетку, напевая блатные куплеты. Глаза у парня загорелись, в Нефёдове в очередной раз проснулся авантюрист. Он вдруг закружился в стремительном вальсе. Зрители внизу замерли от ужаса, заворожено наблюдая за тем, как их сумасшедший одноклассник крутит танцевальные па на узкой полоске стали. Несколько раз всем казалось, что сейчас отчаянный повеса оступится или потеряет равновесие и полетит вниз. Но Борька как ни в чём ни бывало продолжал своё завораживающее вальсирование над пропастью, теперь аккомпанируя себе мелодией знаменитого вальса Штрауса. По сравнению с таким трюком сразу померк недавний подвиг Артура.

Десятилетний брат Зинки и его приятель не скрывали своего восторга:

– Ого, как в цирке! Там тоже гимнасты под куполом тако-ое вытворяют!

– Тоже мне сравнил! – с видом знатока поднял товарища на смех второй мальчик. – Цирковые без страховки никогда не работают. Попробовали бы они вот так покрутиться!

– Неужели у тебя совсем не кружилась голова, Борис? – с восхищением спросила Ольга у соскочившего, наконец, с ограждения парня.

– Да нет – пожал плечами раскрасневшийся Нефёдов. – У меня отцовский вестибулярный аппарат. А батя мог без перерыва сотню раз в каждую сторону крутануться, как в штопоре*.

Покойный отец Бориса – Николай Александрович Нефёдов действительно был известным красным лётчиком, героем гражданской войны, хотя и происходил из старинного дворянского рода. Учился в самом привилегированном военно-учебном заведении царской России – Пажеском корпусе, в который зачисляли только детей знати. Вышел из корпуса в 1910 году в звании подпоручика – в Лейб-гвардии гусарский полк. В 1913 году с разрешения командования прошёл курс обучения лётному мастерству в Школе Императорского Всероссийского аэроклуба, что располагался на Комендантском аэродроме Санкт-Петербурга.

*Беспорядочное падение самолёта, при котором он вращается вокруг своей оси (кувыркается).

Это было время, когда все, начиная от великосветских львов, модных поэтов и банковских клерков, заканчивая скромными газетными курьерами и портовыми грузчиками, интересовались авиацией. В русских аристократических салонах или на бегах часто можно было встретить пажонов в кожаных куртках лётчиков, в действительности не имеющих никакого отношения к самолётам.

Одним словом отец Борьки не избежал общего увлечения полётами. В Первую мировую войну Николай Александрович воевал храбро, за что несколько раз был награждён, и в начале 1917 года произведён в штабс-капитаны. К слову сказать, летали пилоты в то время без парашютов, на несовершенных аппаратах, так что цена наградам была очень высокая.

Но после октябрьской революции Нефёдов-старший сразу принял сторону красных. В конце гражданской войны к своим царским наградам он уже имел два ордена Красного знамени. В 1920-м году за успешную бомбардировку дворца эмира Бухары даже удостоился золотого оружия из рук командующего фронтом Фрунзе. Правда, незадолго до этого в тифозном бараке, устроенном на окраине забытого богом азиатского аула умерла мать Борьки. Чужие азиатские пески стали могилой и героического красного военлёта.

В 1927 году Николая Александровича, как опытного лётчика отправили во главе группы из трёх купленных в Германии самолётов для борьбы с басмачами – в Каракумские пески. Несколько месяцев «Юнкерсы-13» под управлением советских лётчиков помогали 83-му кавалерийскому полку Красной армии преследовать банду Джунаид-Хана в песках Ташаузского округа Туркмении.

Во время одного из вылетов экипаж Нефёдова увлёкся преследованием уносящихся на полном скаку от аэроплана всадников. На малой высоте «Юнкерс» бомбами и пулемётным огнём сеял панику среди вооружённых дехкан, многие из которых считали стальную птицу – крылатым дьяволом, порождённым шайтаном. В разгар боя шальная винтовочная пуля попала в мотор самолёта. После вынужденной посадки экипаж принял неравный бой с бандитами. Командир самолёта тяжело раненным попал в плен. Его долго пытали. Потом отрубили голову, а остальное тело сожгли. Только несколько месяцев спустя, чоновцам* каким-то образом удалось отбить останки лётчика у басмачей. В бочонке с английским бренди мёртвая голова героя была доставлена в Москву для захоронения. Хотя по слухам чекисты просто выкупили у Джунаид-Хана голову известного советского пилота вместе с бренди – за реквизированное у местных богатеев золото...

*ЧООН – чекистский отряд особого назначения.

Ореол сына героя, который окружал пятнадцатилетнего парня, спасал его не раз: проблемного ученика не решались выгнать из школы за хроническую неуспеваемость и хулиганство. Более того, если бы не его известная фамилия Борька наверняка бы уже пребывал за высоким забором специального исправительного учреждения для малолетних преступников – вместе со многими своими уличными приятелями. Он действительно был, как теперь принято говорить, трудным подростком. Просто рядом не было сильного порядочного мужика, чьё слово парень бы уважал. Поэтому авторитетами для Борьки стали окутанные притягательным ореолом блатной романтики герои уличной подворотни. В то же время Борька находился в том опасном возрасте, когда тяга к приключениям не сдерживается жизненным опытом. А в результате получение первого тюремного срока было для Нефёдова-младшего лишь вопросом времени.

Не удивительно, что правильный мальчик Артур Тюхис искренне презирал одноклассника-урку, до сих пор не попавшего туда, куда ему положено только лишь благодаря заслугам покойного папаши. Восторженную же реакцию Ольги на сумасбродную выходку этого хулигана Тюхис воспринял как личное оскорбление. Не в его характере было так просто признавать себя побеждённым.

Метрах в двадцати оттого места, где они находились, Артур заметил встроенную в ограждение моста чугунную тумбу с площадкой в верхней части шириной не более полуметра. От этого квадратного пятачка вверх – на ферму моста круто взбегала лестница. По всей видимости, она предназначалась для регулярно осматривающих данное сооружение ремонтных рабочих.

Когда компания молодых людей приблизилась к заинтересовавшему Артура конструктивному элементу, он обнаружил наваренные на тумбу небольшие металлические подножки для ног ремонтников. Сама судьба услужливо предлагала своему любимцу шанс покви-таться с противником. Но записной герой отчего-то медлил им воспользоваться...

Некоторое время Артур колебался. То ли от страха перед задуманным поступком, то ли от порыва холодного ветра его начало слегка знобить, по мышцам распространялось мерзкое ощущение слабости, сердце учащённо билось. На самом деле оно трепетало от ужаса. Глядя вниз – на свинцово-серую поверхность ледяной октябрьской воды, Тюхис испытывал неприятное ноющее чувство внизу живота, какое возникает лишь во время сильных приступов высотобоязни.

«Зачем я позволяю втянуть себя в это дурацкое соревнование?! – пытался образумить себя Артур. – Ну понятно этот шалопай Борька, он всё равно плохо кончит. Но у меня то впереди долгая и прекрасная жизнь... Да, будущее прекрасно, если только я по собственной глупости не покалечусь сегодня. Впрочем, всё может закончиться ещё страшнее...».

Скорей всего чувство самосохранения в итоге взяло бы верх в напряжённой борьбе, происходящей в душе Артура, но как это часто случается в жизни, всё решила женщина. В тот момент, когда Тюхис уже готов был благоразумно отказаться от смертельно опасной затеи, ни о чём не подозревающая Ольга сказала Нефёдову:

– Я давно за тобой наблюдаю, Борис: у тебя не развито так чувство опасности, как у большинства обычных людей... Мы с отцом решили, что после школы я буду поступать на факультет журналистики, чтобы стать как Михаил Кольцов¹. Но для этого нужны публикации. Сейчас я пишу статью для «Пионерки»* о молодых героях гражданской войны. Они тоже были храбрые... Мне необходимо понять, что они чувствовали, идя на белогвардейские пулемёты. Ты не согласишься мне помочь?

– Нашла, кого спрашивать! – возмутилась Зинка. – Тоже мне «чапаевец»! Он же отпетый хулиган!

Девушки начали спорить между собой. В этот момент Артур пантерой метнулся к Тэсс, подхватил Ольгу на руки и бросился к чугунной тумбе. На ходу он радостно отметил про себя, что его ноша удивительно легка и, следовательно, подняться с ней на импровизированную эстраду и поразить всех танцем над пропастью с девушкой на руках будет физически не так уж и сложно.

¹ Самый известный журналист СССР довоенного периода.

*Газета «Пионерская правда».

Чтобы зрелище бездны под ногами не парализовало его приступом ужаса, Артур старался смотреть только в глаза своей «партнёрши по танцу». Его поразила реакция Ольги: вместо того, чтобы, как это принято у представительниц её пола, визжать от страха, оказывать посильное сопротивление, наконец, испуганно вцепиться в него мёртвой хваткой,

девушка с молчаливой покорностью приняла ситуацию. Скорее всего, она просто сохранила достаточно хладнокровия для понимания очевидного факта: глупо устраивать истерику и вообще как-то мешать человеку, который в прямом смысле держит твою судьбу в своих руках. Только лицо Ольги стало немного бледнее обычного, да в глазах читалось большое психологическое напряжение.

– Ну как, дух захватывает? – торжествуя заглядывая в карие глаза девушки, поинтересовался Тюхис. Он ожидал услышать от Тэсс, что угодно – выражение сдержанного восторга, брань, мольбы, но только не вежливую и почти спокойную просьбу вернуть её обратно за ограждение. Артур был разочарован и не мог понять, что происходит. Сегодня он действительно прыгнул выше головы, взобравшись на эту чёртову ограду, хотя обычно в общении с девчонками такие жертвы от него не требовались. Но главное, что всё оказалось зря...

Неожиданно привычный звуковой фон вспорол тревожный гудок приближающегося поезда: резкий, пронзительный, высокий. Артуру этот голос летящей сюда в клубах белого пара многотонной машины показался рёвом внезапно выскочившего из засады зверя. Больше всего молодого человека поразило, как вдруг железнодорожный состав сразу оказался совсем рядом – чуть ли не у самого въезда на мост, и почему он ещё издали не услышал нарастающего шума, предупреждающего о его приближении. Страх мгновенно парализовал Тюхиса...

Ворвавшийся на мост мощный товарный паровоз снова издал протяжный властный рёв, выпустив для этого из своей стальной груди-топки пар, сжатый там до 15 атмосфер. Гудок достиг болевого порога уха оказавшихся на пути состава подростков, заставил их содрогнуться от макушки до ступней. С сердитым лязгом, обдавая ребят горячим и едким угольным дымом, локомотив промчался мимо, и только после этого брат Зинки вдруг заметил, что Артур вместе с Ольгой куда-то исчезли...

Первым, кто понял, что произошло, был Борька. Ему понадобились считанные секунды, чтобы принять непростое решение – прыгать вслед за одноклассниками, ведь времени на то, чтобы бежать на берег реки и искать там лодку, просто не было. В такой холодной воде, наверняка оглушённые, а может даже серьёзно травмированные при падении с большой высоты, Артур и Ольга долго не продержаться...

Борька быстро разделся до трусов и с разбегу «солдатином» сиганул вниз. Вода оказалась такой холодной, что в первые мгновения перехватило дыхание. Борьке даже показалось, что он уже не сможет вынырнуть на поверхность. От этой мысли молодое сильное тело с утроенной силой устремилось вверх. Вынырнув, Нефёдов чуть не столкнулся с энергично плывущим к берегу Тюхисом. Парень выглядел совершенно потрясённым случившимся. Глаза у Артура были выпучены, лицо перекошено маской ужаса. Но главное: тот был один. Больше никого вокруг видно не было...

– Где Ольга? – крикнул Борька уже вслед однокласснику. Но Тюхис даже не оглянулся, чтобы ответить. В хорошем спортивном стиле он буквально летел торпедой по направлению к спасительной полоске песка. Позади пловца оставалась внушительная полоса вспененной воды, словно за кормой катера.

Борис остался один на середине реки. Он вертел головой, звал пропавшую девушку – всё тщетно. Необходимо было тоже двигаться к берегу, пока ледяная вода не свела судорогами мышцы. И тут Борька вдруг заметил метрах в десяти от себя ярко-красное пятно на поверхности. Вначале он принял его за кровь и ужаснулся. Но, подплыв поближе, к своей большой радости обнаружил испанский шейный платок Тэсс, который ей в прошлом году привёз из-за границы отец. На платке были изображены большие пунцово-красные цветочные бутоны. Молодой человек сразу нырнул в этом месте.

К счастью потерявшая сознание девушка ещё не успела погрузиться на дно. Вторая удача заключалась в том, что пока Борька искал Ольгу, оставшиеся на мосту Зинаида и мальчишки нашли каких-то мужиков и те, не раздумывая, бросились на помощь быстро теряющему силы в ледяной воде подростку и спасённой им девушке.

Глава 3.

После гибели его отца Бориса взял на воспитание в свою семью крупный функционер из Главного управления ГВФ* при Совете министров СССР Яков Фальман. Это был, в общем-то, неплохой беззлобный человек с умными глазами и внешностью доброго детского доктора. Он искренне хотел наладить с Борисом дружеские отношения. Но из-за постоянной занятости на службе высокопоставленному совслужащему было просто некогда заниматься воспитанием приёмного сына. Эта обязанность целиком легла на супругу Якова Давыдовича – Маргариту Павловну или «Марго», как ласково звал её любящий супруг.

*Гражданский воздушный флот.

Хорошего об этой женщине можно было сказать только то, что в молодости она была очень недурна собой. Во всяком случае, об этом свидетельствовал большой фотопортрет хозяйки дома, что висел в хорошей ореховой рамке на стене в гостиной. Впрочем, природа слишком рано отобрала у Марго дар внешней привлекательности.

Когда-то на заре их совместной жизни молодой инженер и его жизнерадостная прелестная спутница, – в ту пору подающая большие надежды выпускница актёрских курсов договорились, что не будут обременять себя детьми до тех пор, пока их жизнь не обретёт какую-то упорядоченность. Больше десяти лет у них не было постоянного жилья. В это время Яков Давыдович с верной подругой вёл жизнь настоящего кочевника, меняя должности, а вместе с ними города и даже страны. Марго с радостью временно пожертвовала актёрской карьерой ради любимого, чтобы везде сопровождать его.

Наконец, пять лет назад супруги вернулись из Германии, где Фальман занимал ответственный пост в советском представительстве «Русско-германского общества воздушных сообщений «Дерулюфт», и сразу въехали в отдельную квартиру в центре Москвы. Казалось, вот она – долгожданная стабильность. Можно, наконец, спокойно «пускать корни». Но отложенное на будущее семейное счастье так и не наступило...

Во время обследования в привилегированной клинике для партийной и руководящей элиты Маргарита Павловна к своему ужасу узнала страшный диагноз: она больше никогда не сможет иметь детей. Это была расплата за три совершённых «по пути к счастливому будущему» аборта.

– Вам надо было хотя бы первого ребёночка оставить, – то ли с сочувствием, то ли с укором посетовала врач-гинеколог, выдавая Марго медицинское заключение. – Тогда бы вам сейчас хотя бы не так обидно было...

Но несчастная женщина не сразу поверила и приняла чудовищный приговор. Около года она не теряла надежду и продолжала бороться: за громадные деньги проходила тщательное обследование у частнопрактикующих светил медицины.

Вслед за профессорами наступил черёд знахарей всех мастей. Каждый был готов, что угодно обещать выгодной клиентке, лишь бы заполучить долговременный источник щедрых гонораров.

Маргарита Павловна даже решила подставить под удар карьеру мужа и собственное материальное благополучие, отправившись вымаливать младенца по святым местам! Но всё оказалось тщетно. То ли грех её был слишком тяжёлым, то ли на роду ей было написано оставаться бесплодным деревом...

Из-за хронических нервных переживаний в организме женщины произошли гормональные изменения, и она за короткое время превратилась из изящной интересной дамы в бесформенную стокилограммовую тётку. В связи со столь разительной переменой во внешности дипломированной актрисы ни в одном столичном театре для Марго не нашлось места в труппе, даже не смотря на все старания её мужа. Только лишь из уважения к личности крупного руководителя директор Театра оперетты после долгих уговоров согласился взять его супругу на скромную административную должность.

Это была жесточайшая пощёчина той, которая с детства привыкла к своей красоте и таланту. А ведь Маргарите в ту пору было только 36 лет и в провинциальных театрах, где она периодически играла, режиссёры и коллеги-актёры всегда отмечали её особенный драматический дар, нервную утончённую природу прирождённой характерной героини...

В конце концов, наступил момент, когда иллюзии больше не согревали измученную душу несостоявшейся матери и актрисы.

Хотя человек, как известно, существо, обладающее чудесной способностью приспосабливаться к изменчивой внешней среде. Многие женщины в похожих обстоятельствах находят в себе силы подняться под ударами судьбы и снова улыбнуться миру и самой себе. И Марго тоже при сильном желании могла бы смириться с неизбежным, – принять сложившуюся ситуацию, как данность, и попытаться найти утешение в том, что у неё было: любящий муж, достаточно интересная работа, подруги.

Наконец, в отличие от тысяч простых москвичей, ютящихся в переполненных коммунальных и едва сводящих концы с концами, Маргарита Павловна жила, словно старорежимная аристократка: муж не ограничивал её в расходах, разрешал пользоваться своей персональной служебной автомашиной; дважды в год Марго обязательно ездила на отдых в Сухуми, Ялту или в Ессентуки. Причём на курорт семьи руководителей советской авиапромышленности и пассажирской авиации доставлял специальный самолёт. Этот бывший самолёт-разведчик Р-6, специально переоборудовали на 22-м заводе в московских Филиях в воздушный лимузин повышенной комфортности. Далеко не каждый американский миллионер имел возможность летать с такими удобствами, как Маргарита Павловна и её подруги из узкого круга наркомовских и кремлёвских жён. Также к услугам Марго всегда была шикарная казённая дача.

Одним словом, причин, если и не для счастья, то хотя бы для благодарного довольства жизнью было не так уж и мало. Но Маргарита Павловна избрала иной путь – вечных страданий и обвинений. Депрессии у неё чередовались со вспышками агрессии, и тогда виновником всех несчастий несостоявшейся матери и актрисы становился хозяин дома, из-за которого она бросила когда-то сцену и пошла на аборт. Не удивительно, что уставший от постоянных придирок мужчина рад был воспользоваться любой возможностью, чтобы как можно больше времени проводить вне дома – на службе или в командировках.

Усыновляя сына погибшего пилота, Яков Давыдович очень надеялся, что с его появлением в душе жены проснутся неистраченные материнские чувства и в доме, наконец, воцарится мир. Но он сильно ошибся! С первого дня Маргарита Павловна стала смотреть на Борьку, как на гадкого утёнка, вероломно подкинутого ей вместо украденных судьбой родных детей. Но она не желала никого иметь «вместо»! Каждую минуту играющий в комнате, обедающий или спящий чужой мальчик напоминал женщине о том, что на этом самом ковре, за этим столом, на этой кровати могли играть, есть и спать ей собственные дети. За это она практически сразу возненавидела «подкидыша» и не упускала ни одной возможности выместить на нём свою злобу. Но и мальчик быстро научился отвечать мачехе взаимностью. Он буквально на глазах превращался в дикого зверёныша, готового в любой момент показать острые зубки и выпустить коготки...

Конечно, Яков Давыдович не мог не видеть, что происходит, но не мог же он сдать приёмного сына в детский дом. Это могло самым неблагоприятным образом сказаться на его

карьере и даже стать поводом для серьёзного разбирательства на парткоме Главка. Ведь его, как теперь стало понятно, – ошибочное решение принять в свою семью сына героя гражданской войны одобрили на самом верху!

В такой патовой ситуации оставалось ограничиваться мягкими уговорами жены и периодическими воспитательными внушениями подростку. Но это мало помогало: Маргарита Павловна продолжала открыто демонстрировать ненависть по отношению к подкидышу, а Борька всё меньше считался с новыми родителями. Его совершенно не волновало, что учителя и директор школы жалуются на него Фальманам. Подросток регулярно прогуливал уроки, проводя время в компании дворовой шпаны. Трижды Нефёдова с друзьями доставляли в местное отделение милиции за мелкие правонарушения. И каждый раз, Яков Давыдович, бросив все дела, мчался его выручать. При этом он прилагал все усилия, чтобы факт задержания его воспитанника не получил огласки. Но и терпение приёмного отца было не беспредельным...

Однажды Борька нашёл спрятанный ключ от ящиков рабочего стола «родителя» и стащил его наградной «браунинг» с полной обоймой патронов. Как и следовало ожидать организовавших в Парке культуры стрельбу по воронам оболтусов задержал милицейский наряд. После трудного разговора с как обычно примчавшимся на выручку «папашей», дежурный по отделению милиции передал юных стрелков Фальману. Этим же вечером дома между приёмным отцом и подростком состоялся серьёзный разговор:

– Ну вот что, Борис, живи дальше как знаешь, – грустно признал свою педагогическую недееспособность Яков Давыдович. – Только давай заключим соглашение: мы с женой больше не будем лезть тебе в душу и ограничивать твою свободу. Эта квартира по-прежнему останется твоим домом. Но за это ты должен обещать мне воздерживаться от откровенно бандитских вылазок. Согласен?

Борька принял предложенные условия, и с того дня Маргарита Павловна действительно уже не пыталась его воспитывать, а её муж – тот и вовсе перестал замечать, что кроме него и супруги в квартире живёт ещё кто-то. Возвращаясь вечером домой со службы, он не здоровался с Борькой, а когда случалось сидеть с ним за одним столом, проскальзывал по лицу юноши равнодушным взглядом. Если же всё-таки появлялась необходимость личного контакта, то Яков Давыдович, смотря мимо воспитанника, изрекал нейтральную фразу типа: «У нас на работе для детей сотрудников билеты в цирк распространяют. И как?».

Борьку вполне устраивало, что приёмные родители его кормят, одевают и при этом больше не требуют жить по их правилам. Он успел полюбить свободу и готов был за неё даже жить на улице и самостоятельно добывать себе пропитание. Хотя, было очень даже не плохо, что от него никто не требовал такой жертвы.

В этот год в жизни Нефёдова произошли большие перемены. Всё началось с того, что однажды покровительствующий их дворовой компании молодой вор по кличке «Матрос» предложил ему поучаствовать в «настоящем деле»: надо было проникнуть в административное здание на территории железнодорожной товарной станции и похитить из одного кабинета печатную машинку. В те годы хороший «Ремингтон» или «Ундервуд» стоил больше тысячи рублей. Для сравнения: следователь прокуратуры в начале 1930-х годов получал оклад в 75 рублей. То есть намечалась крупная кража, сильно отягощаемая тем обстоятельством, что хищению должна была подвергнуться государственная собственность.

Мелкие правонарушения, которые до сих пор числились за Нефёдовым, выглядели цветочками по сравнению с предприятием, на которое его пытался сагитировать Матрос. Но Борька не хотел идти на откровенное воровство. К тому же он помнил про обещание, данное

приёмному отцу – не участвовать в откровенной уголовщине. Матросу пришлось несколько дней уговаривать намеченного в подельники пацана.

Местный «генерал» (на уголовном жаргоне наставник воров-подростков) давно заприметил этого ловкого и решительного паренька, из которого мог выйти толк. Оставалось только поближе притянуть его к воровскому промыслу совместными делами. Конечно, можно было прямолинейно припугнуть мальчишку, пригрозив ему за отказ подчиниться вынутым из-за голенища сапога финским ножом. Но в данном конкретном случае это могло и не сработать, парень то был явно не из робкого десятка. Нет, тут необходимо было искать более тонкую отмычку.

В силу своего молодого возраста, 23-летний уголовник хорошо понимал психологию подростков, и, в конце концов, сумел подобрать нужный ключик к отзывчивой душе Нефёдова:

– Да не ломи ты рога*, дружище! Верное ж дельце тебе предлагаю!

Вор добродушно потрепал Борьку по плечу и доверительно посвятил его в подробности задуманного дела. Согласно его плану, в железнодорожную контору они должны были наведаться в обеденный перерыв. В это время все сотрудники данного учреждения спускаются в расположенную на первом этаже столовую. Рабочие коридоры пустеют. Правда, дверь нужного кабинета будет закрыта на замок, но опытному взломщику не составит особого труда его быстро вскрыть.

– Ещё на входе сидит старый укроп¹, но он нам тоже не помеха, – пообещал Матрос. – Так что, как видишь, всё схвачено.

Борька снова объяснил причину, по которой не может принять предложение Матроса. Вор понимающе, даже с сочувствием кивнул:

– Да знаю я, что не очко у тебя играет². Хоть новый отец тебе и не родная кровь, а уважать его всё же надо. Правильно, это по понятиям. Гадом буду, если б я тебя без веской причины просил. Просто крайняк мне настал. Знаю, что парень ты свой в доску, не заложишь, поэтому откроюсь тебе: волкодавы из уголовки у меня на загровке сидят. Если повяжут, – лет на десять загремлю на зону. Там в колымской вечной мерзлоте и сгину... Идти в побег мне надо, а монет совсем нет, чтоб наверняка срываться. Вся надежда на помощь верного дружка. Неужели откажешь по старой дружбе? Я ведь тебя, как верного кента прошу: Борька, друг, выручи!

Вор рассчитал всё верно. Для юного романтика нет более священного понятия, чем мужская дружба. И не так уж важно, что до этого дня между Матросом и Нефёдовым особой дружбы не водилось. Всё равно Борька не мог бросить знакомого в беде.

С другой стороны мальчишка ещё не успел узнать, что за красивыми рассуждениями профессиональных уголовников о законах товарищества, чести, любви к родителям обычно скрывается омерзительная готовность легко переступить через кого угодно ради спасения собственной шкуры или в погоне за жирным куском.

*Упрямитесь.

¹ Мужик-деревенщина.

² Не трусишь.

На территорию товарной станции они проникли через дыру в заборе. Матрос шёл первым. Он выглядел, как настоящий машинист: в чёрной форменной шинели и фуражке с белым галуном вокруг околыша и машинисткой кокардой. Но главное, что в руках он держал настоящую «шарманку» – жестяной крашенный сундучок, с какими паровозники обычно

отправляются в рейс. В него кладут что поесть, смену белья, мелкий инструмент, а в особый карман – необходимые документы. Борьке оставалось только гадать, где Матрос раздобыл все эти вещи.

Нефёдову вор дал старенькую промасленную спецовку, которая была подростку немного великовата. Но зато со стороны они выглядели, как настоящая локомотивная бригада, и ни у кого из попадающихся им на пути сцепщиков, грузчиков и других служащих железной дороги не вызвали ни малейшего подозрения. Напротив временами Борька ловил на себе уважительные взгляды: Вон, идут с «шарманкой», значит, только приехали или, наоборот, куда-то уезжают. Никто и не догадывался, что вместо отделений для бутылки молока, чая и соли, сменной рубашки, в ящике устроен воровской тайник, куда пришедшие вору собирались спрятать украденную пишущую машинку.

Они пересекли паутину расходящихся веером стальных путей и оказались возле жёлтого трёхэтажного кирпичного здания. Матрос остановился перед входом в него – перекурить. Урка явно поймал воровской кураж. Он постоянно шутил, весело скалил зубы, с зажатой в них сигаркой и хищно поглядывал на место задуманного ограбления.

– Вот толкнём этот канцелярский «пулемёт», и сразу рвану поближе к солнцу. Пришлю тебе, братэлло, открытку с курорта – с пальмами и смуглолицыми тёлками. А менты пускай при здешних морозах продолжают ловить меня мелким неводом.

За их спинами с сердитым лязгом в паровых струях и угольной пыли, забрызганный маслом с постоянно ворочающегося возле колёс дышлового механизма прошёл маневровый паровоз. Матрос презрительно сплюнул ему вслед окуроч и с ухмылкой кивнул подельнику на закопченную маневровку:

– Во, гляди, потопал – работяга вонючий – впрягаться в свой воз! Запомни, Борька: мир всегда будет делиться на тягловых мужиков и хозяев жизни. Их удел – работа в поте лица, наш – рестораны, шикарные бабы и прочие приятные вещи. А вся разница между нами в том, что они живут тем, что им кидают власть, а мы не боимся сами брать по потребностям. Так возьмём же, Борька, то, что принадлежит нам по праву силы...

В вестибюле Управления дороги в застеклённой конторке сонно хлопал ресницами дед в форменной тужурке вохровца. Не замедляя шага, Матрос первым дружески поздоровался с ним и даже чуть приподнял руку, в которой держал «шарманку». Не поинтересовавшись целью визита незнакомцев, пожилой охранник слегка кивнул в ответ, и лениво потянулся за лежащей перед ним на столе газетой.

Они поднялись по широкой лестнице на третий этаж. Длинный коридор, как и обещал Матрос, оказался пуст. Из-за закрытых дверей не доносилось не единого звука. Спутник Нефёдова быстро вскрыл дверь машбюро и вручил Борьке жестяной ящик. Непосредственно взять печатную машинку должен был подросток, а его взрослый товарищ, сразу отправился обратно к лестнице – стоять «на стрёме». Согласно уговору, если кто-то из местных служащих раньше времени вернётся из столовой, Матрос постарается заговорить его на несколько минут, чтобы Борька успел положить машинку в ящик и покинуть помещение.

– Если по пути попадётся дурка* или лопатник – бери! – напутствовал подельника Матрос.

*Женская сумочка.

Всё пространство просторной комнаты, в которую попал Борька, было уставлено рядами столов. И на каждом стояла пишущая машинка! Парень вначале даже опешил – какую из них брать. В конечном итоге он схватил бы первый попавшийся аппарат и сразу пулей выскочил вон, но тут взгляд юноши упал на картинку, висящую на стене. Она сразу

заинтересовала его и неудержимо потянула к себе. На цветной фотографии, вырезанной из какого-то заграничного журнала, был запечатлён поезд, мчащийся по диковинному подвесному мосту, перекинутому через горное ущелье. Поражала и дикая красота пейзажа, и смелость конструкторов, сумевших воплотить в металле столь фантастическое сооружение. Мысли о возможной поимке и об ожидающем добычу Матросе сразу отошли на второй план. Восхищённый подросток жадно рассматривал детали сюжета, совершенно забыв о том, где он, и зачем сюда явился.

Борька даже не сразу почувствовал на себе чей-то взгляд. Оказалось, что его удивлённо рассматривает дородная женщина лет сорока. Как только их взгляды встретились, она, ничего не говоря, с силой захлопнула дверь. Послышался звук торопливо вращающегося в замковом механизме ключа. Нефёдов бросился к двери и попытался выбить её плечом. Но сразу стало понятно, что в отличие от замков, двери в этом учреждении сделаны на совесть. Даже с помощью импровизированного тарана в виде крышки одного из столов парню не удалось бы одолеть преграду из прочного дуба.

«Вот так фокстрот!» – сам себе вслух сказал Борька, растерянно оглядываясь. Впервые в жизни он угодил в столь серьёзную переделку и лихорадочно пытался найти хоть какую-то лазейку из ловушки. Не сидеть же ему в ожидании, когда за ним придут!

Ещё не решив, что ему делать, Нефёдов бросился к окну. Прочь от здания быстро удалялась сутулая фигура Матроса. Уголовник без малейших колебаний бросил подельника, едва только почувствовал, что запахло жареным. Борька выругался вслед предавшему его дружку.

Между тем из-за двери донеслись громкие голоса. Там собирался народ и в том числе взрослые мужчины. Медлить больше было нельзя. Борька распахнул окно. Расстояние до земли было слишком велико. Но прямо под окном недалеко от стены здания росло дерево с раскидистой кроной. Можно было попытаться сильно оттолкнуться от подоконника, чтобы приземлиться на его ветки. Они должны смягчить падение...

К счастью совершить очередной смертельный номер Борьке не позволил милиционер, который стремительно ворвался в помещение и успел в последний момент поймать юного «парашютиста» за полу рабочей куртки.

– Что же ты делаешь, нахалёнок! Ты бы хоть о матери своей подумал, прежде чем в окно кидаться.

Спасший Борьку милиционер гневно тряс его за плечи, обдавая жарким, пахнущим табаком дыханием, и заглядывая прямо в глаза:

– Думаешь, я не вижу, что ты сюда шестерить явился. Пахан тебя под срок подставил, а сам, небось, в безопасном месте трофеи ждёт! Не жалко свою жизнь под хвост этой крысе бросать?!

4 Глава

Это был вылет на перехват рвущегося к центру Ленинграда бомбардировщика. Лейтенант Константин Рублёв считался в полку самым опытным ночным охотником, поэтому его и подняли в воздух по тревоге ведущим звена из трёх истребителей.

Наземные службы ПВО* обнаружили фашиста слишком поздно, – уже над городскими окраинами. Когда тройка «Як-1» настигла врага, его уже некоторое время вели прожектора и обстреливали зенитчики. Но бомбардировщиком управлял явно очень опытный экипаж, который даже под интенсивным огнём с земли продолжал упорно идти к цели.

* Противовоздушная оборона.

В ярком свете прожекторов и осветительных снарядов «Хейнкель-111» можно было рассмотреть в малейших деталях. Но и стрелкам бомбардировщика приближающиеся перехватчики тоже были отлично видны. Один из «Яков» при подходе к «Хейнкелю» попал в мощный воздушный поток его двигателей. «Як» крутануло вокруг своей оси. Истребитель опрокинулся в штопор, и пилоту пришлось срочно покидать его с парашютом.

Рублёв открыл огонь по «Хейнкелю» со 150 метров, метя в правый мотор, и как ему показалось, попал. От двигателя оторвались куски металлической обшивки. В это время стрелок с бомбардировщика, а, скорее всего свои же зенитчики, которые даже после появления в световом прожекторном поле «Яков», продолжали некоторое время утюжить небо разрывными снарядами, подбили самолёт второго ведомого Рублёва. Константин услышал в наушниках шлемофона взволнованный и разочарованный голос сослуживца:

– Командир, у меня повреждён мотор, выхожу из боя... Буду тянуть на аэродром...

В этот момент Рублёв уже находился метрах в пятнадцати от бомбардировщика. Красные огоньки вражеских трассирующих очередей мелькали и проносились чуть выше и в стороне от «Яка». Неожиданно для себя Константин оказался в «мёртвой зоне», недоступной для огня бортовых стрелков «Хейнкеля». Верхний пулемётчик «He-111» не видел истребитель, притаившийся за высоким килем и стабилизаторами бомбардировщика, а его товарищ по экипажу, находившийся у нижнего MG-15*, тоже не мог поймать в прицел «Як», висящий где-то за хвостовой балкой. Костя злорадно представлял себе, какой переполох сейчас твориться в кабине вражеского самолёта. Словно в подтверждение его мыслей бомбардировщик в панике начал беспорядочно сбрасывать свой смертоносный груз и разворачиваться.

*Немецкий пулемёт.

Рублёв дал длинную очередь трассирующих снарядов. «Як» воинственно задрожал. Лейтенанту было отлично видно, как снаряды рвутся под правым крылом, под кабиной пилотов и по центру фюзеляжа бомбардировщика. Ярko вспыхнул правый двигатель «Хейнкеля».

Стекло кабины «Яка» забрызгало тёмным непрозрачным маслом из разбитого мотора жертвы.

– А! Не нравится! Пустил тебе поганую кровь! – радостно воскликнул Костя. Ему пришлось даже открыть фонарь* кабины, ибо запачканное маслом стекло ограничивало боковой обзор. Хорошо, ещё, что масло не попало на козырёк фонаря, иначе управлять самолётом и вести огонь стало бы очень затруднительно. Морозный воздух обжигал лицо, но в горячке боя Рублёв не обращал на это внимание.

*Сдвижной (или откидной) стеклянный колпак на кабине истребителя.

Разорвавшиеся под «брюхом» «Хейнкеля-111» снаряды подбросили пятнадцатитонную машину вверх. Бомбардировщик на секунду завис в воздухе с задранной мордой, словно размышляя: падать ему или нет? Затем медленно завалился на правое крыло и обрушился вниз. Прожектора сразу его потеряли. Но Рублёву было видно, как внизу, в чёрной бездне ночного неба к земле несётся огненная комета, оставляя за собой шлейф ярких искр. Потом она вдруг погасла. Константин ожидал увидеть, как при столкновении с землей мощно рванут баки сбитого им «бомбера», но взрыва не последовало. С наземного пункта наведения ПВО неожиданно передали: «Щука, добейте «окуня». Не дайте ему уйти!».

Оказалось, что немец схитрил, – только притворившись сбитым. У земли, вражеский пилот вывел свой самолёт из «смертельного» пики и выключил горящий двигатель. Теперь он уходил к линии фронта.

Теперь, когда «He-111» не вели прожектора отыскать его в густой чёрной мгле, да ещё где-то у самой земли было очень сложно. В то же время горючего на «Яке» осталось только на дорогу домой. Но как можно уйти и не покарать фашистов, сбрасывающих бомбы на мирные городские кварталы, на спящих людей!

Рублёв снова обнаружил немца по трепещущему лепестку синего пламени, вырывающемуся из выхлопного патрубка его единственного работающего двигателя. Вцепившись взглядом в крошечный огонёк, Константин быстро догнал «ковыляющий» на одном моторе бомбардировщик. На этот раз Рублёв на полной скорости свалился на него, как ангел возмездия. Дал длинную очередь по кабине, расстреляв остаток боеприпасов. Видимо в последний момент немецкий лётчик заметил угрозу и дал ногу вправо. Очередь Яка вместо кабины пошла на плоскость, срезав оконцовку левого крыла. «Хенкель» свалился в штопор. Вывести же его из штопора с отбитой оконцовкой не смог бы даже самый опытный пилот. Вражеский самолёт врезался в землю с такой силой, что от взрыва «Як» Рублёва сильно встряхнуло.

До аэродрома лейтенант добрался на последних каплях горючего, двигатель его самолёта заглох на пробежке вскоре после того, как колёса истребителя коснулись земли.

На следующий день командир полка выделил Рублёву «Эмку»*, чтобы Костя съездил в город полюбоваться на сбитого им накануне немца.

– Заодно выступишь на митинге в свою честь, дашь интервью прессе. Короче, купайся, брат, в лучах заслуженной славы.

– Да не умею я интервью давать, Николай Петрович – насторожился Костя, – что я Бернес или Крючков¹. Лучше я вообще тогда не поеду.

Полковник пропустил слова подчинённого мимо ушей, сообщив только, что в Ленинград его вызывают по звонку из горкома партии. С собой в город Рублёв захватил собранную сослуживцами продуктовую посылку для детей подшефного детского дома из сэкономленного лётчиками из своего рациона шоколада², хлеба, тушенки.

* Легковой автомобиль ГАЗ М-1

¹Известные актёры советского кино довоенного периода.

²Шоколад входил в аварийный неприкосновенный запас лётчиков.

«Хенкель» рухнул на городской Ботанический сад. При взрыве самолёт развалился на части, но тела нескольких его пилотов оказались не очень сильно повреждены. Упавший самолёт снёс крышу и частично разрушил стены оранжереи с тропическими растениями. Было странно видеть посреди заснеженного парка огромный хвост самолёта с чёрным пауком свастики торчащий из пальмовой рощи.

Встретивший лётчика чиновник Ленгорисполкома доверительно сообщил Рублёву, что если бы на место падения фашистского бомбардировщика вовремя не подоспели сотрудники НКВД, то измученное холодом и голодом население быстренько бы успело раздеть убитых немцев, и нечего было бы сейчас смотреть. А так Рублёв мог полюбоваться на трупы своих ночных противников, посмотреть их документы, награды. Командир экипажа в чине гауптмана* являлся кавалером рыцарского креста. В его лётной книжке числились рейды на Мадрид, Лондон, Варшаву, Нарвик. Да и подчинённые гауптмана были ему под стать – матёрыми вояками. Константину даже не верилось, что он сумел в одиночку одолеть столь опытную и спаянную долгой совместной службой команду.

В какой-то момент «экскурсовод» протянул Рублёву пачку фотографий, найденных во внутреннем кармане комбинезона одного из погибших немецких лётчиков. На семейной фотографии была запечатлена красивая молодая женщина с добрым лицом заботливой

матери, хорошей жены и хозяйки. Она позировала на фоне аккуратного частного дома вместе с крупноголовым серьёзным мальчиком в клетчатой рубашке, шортах и двумя белокурыми девочками в лёгких пёстрых платьицах. В душе Рублёва шевельнулась жалость к убитому им пилоту. Константин почти сразу вернул фотографии чиновнику – на войне нельзя позволить себе видеть в противнике человека, иначе в нужный момент можно замешкаться и не успеть нажать гашетку пулемёта.

*Майор.

После «экскурсии» на место падения «He-111», Рублёва на горкомовской машине отвезли на завод «Электросила», где он выступил на митинге перед рабочими предприятия. Потом была запись в городском Радиокомитете. Много раз Константину приходилось слышать звучащий из тарелки репродуктора «голос непокорившегося врагу Ленинграда», и вот теперь он смог воочию увидеть обладателя, точнее обладательницу, этого негромкого с лёгкой картавинкой голоса. Перед началом записи к нему подошла хрупкая женщина с усталым интеллигентным лицом.

– Здравствуйте, товарищ Рублёв! Я Ольга Берголец, – просто представилась лётчику женщина, поправив выбившуюся из короткой причёски непокорную прядь золотисто-льняных волос. Она протянула лейтенанту свою маленькую, но на удивление сильную ладошку. После рукопожатия тут же деловито предложила. – Ну что, давайте работать...

Здесь же на радио Рублёва поймала молоденькая миловидная корреспондентка «Ленинградской правды». Журналистку сопровождал офицер с петлицами майора интендантской службы. На его плотной фигуре ладно без единой складочки сидел явно пошитый по индивидуальному заказу шерстяной френч, положенный лишь офицерам высшего состава РККА.

После того, как интервью было закончено, офицер-тыловик вдруг обратился сразу к своей спутнице и к Рублёву.

– А почему бы, Надюша, нам не пригласить «героя воздуха» в нашу душевную компанию? Уверен, товарищу лейтенанту будет, что рассказать нам о нелёгких фронтовых буднях.

Константину очень не понравился игривый тон снабженца, его лоснящийся самодовольный вид, особенно после вереницы увиденных им за этот день измождённых лиц, зрелища трупов, умерших от голода прямо на улице горожан. Но симпатичная журналистка горячо поддержала своего приятеля. По её словам, на квартире майора должны были собраться «настоящие ленинградцы», которым очень важно было послушать человека с передовой.

В просторной гостиной богато обставленной квартиры интенданта был накрыт такой роскошный стол, что с трудом верилось, что всего в нескольких десятках метров отсюда люди счастливы, когда им удаётся получить свой кусочек хлеба, изготовленный из древесных дрожжей и прочих фантастических суррогатов. А тут на столе было тесно от коньячных и водочных бутылок, разной закуски. Отвыкший за войну от такого изобилия Рублёв заворожено глядел на тонко нарезанные кусочки осетрины, сыра, розовой копчёной колбасы, открытые банки рыбных консервов, тушенки, сгущенного молока. Особенно его потрясли совсем уж экзотические для блокадного города апельсины!

По собравшимся в комнате гостям было видно, что они не боевые лётчики, им не приходится, рискуя жизнью брать живьём хорошо натасканных своими хозяевами немецких

парашютистов-диверсантов. Наконец, они явно не нуждались в усиленном питании после тяжёлого ранения. И, тем не менее, эта вальяжная сытая публика, раскованно подпевая патефонной исполнительнице, наполняла дагестанским коньяком хрустальные бокалы, лениво намазывала маслом и икрой толстые куски белого хлеба. А ведь такими продуктами, относящимися к высшей – пятой норме могли в условиях военного времени питаться только военнослужащие лётного состава ВВС, оперативники контрразведки, подводники и тяжелораненые пациенты госпиталей.

Возмущённый фронтовик начал отчитывать майора. Не выбирая выражений, Рублёв назвал собравшихся спекулянтами, паразитирующими на страданиях жителей осаждённого города. В ответ на такое оскорбление майор под визг находившихся в комнате женщин выхватил из кобуры пистолет. Между ним и Рублёвым завязалась драка. Прежде чем их разняли, пистолет в руке снабженца случайно выстрелил. К счастью, пуля, никого не задев, вошла в стену. Но кто-то из соседей или проходящих по улице Рубинштейна людей услышал выстрел и сообщил находившемуся неподалёку патрулю. Всех участников ссоры задержали и доставили в комендатуру. Но майору и его гостям удалось быстро оправдаться, а недавнего героя арестовали и вскоре отдали под суд. Рублёв был разжалован в рядовые и отправлен искупать вину в особую штрафную группу капитана Нефёдова.

5 Глава

За окном весело перекликались паровозные гудки, грозно ругался женским голосом громкоговоритель на какого-то бригадира грузчиков по фамилии Горохов. По путям суетливо бегала маневровая «кукушка»*, собирая вагоны для нового состава. Там за решеткой окна кипела незнакомая Борьке деловитая жизнь...

* Сленговое прозвище маневрового паровоза.

Линейный отдел железнодорожной милиции располагался в здании пассажирского вокзала. Стены и пол комнаты, в которой ожидал решения своей участи Нефёдов, а также скамья, на которой он сидел, и служебный стол задержавшего его милиционера – всё было выкрашено в один казённый коричневый цвет. Единственным украшением помещению служил настенный плакат: «Нет пощады расхитителям народной собственности!». На нём огромный милиционер безжалостно расправлялся с всевозможными жуликами и спекулянтами, напоминающими разбегающихся тараканов. Борька старался не встречаться с суровым взглядом плакатного борца с уголовной нечистью, но тот будто нарочно смотрел именно в его угол.

– Что же мне с тобой делать, «парашютист»? – размышлял вслух инспектор. Он задумчиво поглаживал пальцами свои усы пшеничного цвета и совсем не сердито, словно удивляясь, разглядывал задержанного паренька.

– Ты хоть понимаешь, в какое дело влип, нахалёнок?! Вот сейчас оформлю твоё задержание, и всё – пойдёшь под суд – по 12-й статье Уголовного Кодекса. А там колония для малолетних преступников. Родителей сможешь видеть только по разрешённым свиданиям. Тебе лет то сколько?

– Пятнадцать.

Милиционер помрачнел лицом, нехотя взял листок бумаги, обмакнул разбитое перо в чернильницу и начал что-то писать. Делал он это с таким ожесточённым видом, словно собирался окончательно доломать перо.

Борька уже смирился с мыслью, что на этот раз ему вряд ли удастся избежать серьёзного наказания. На заступничество приёмного отца надежды не было, ведь Нефёдов нарушил данное Фальману слово, не участвовать в уголовных делах. Да он бы сейчас и не принял

помощь Якова Давыдовича, ведь это означало признать себя полным ничтожеством, треплом...

За дверью кто-то несколько раз деликатно кашлянул, затем тихо постучал.

Не отрываясь от своей писанины, милиционер недовольно крикнул:

– Ну! Давай без церемоний!

В помещение важно вошёл высокий худой стрик. Степенный, бородатый, в выдавшей виды железнодорожной фуражке, в чёрном засаленном форменном бушлате и шароварах, заправленных в сапоги. Старик очень чинно поздоровался с милиционером и внимательно взглянул на Нефёдова.

Сразу переменившись в лице, милиционер приветливо воскликнул:

– А, здоров, Степаныч! Что ж ты, с утра «медведя напротив моих окон пускаешь»*, а поздороваться с приятелем времени нет.

*«Пускать медведя» – на железнодорожном сленге означает выпускать из паровозной трубы чёрный дым.

– В прежние времена, – с большим достоинством заговорил старик, – когда я на курьерском прибывал на крупную станцию, тотчас половой¹ из пассажирского ресторана первого класса выбегал на перрон – поднести мне прямо к поручням рюмку «анисовой» или «смирновки»² и хорошей закуси – непременно на серебряном подносе. «Откушайте, господин механик!» – говорил он мне. А я непременно в белых перчатках и в полном вицмундире, ну точно, как афицер какой, выходил!

– Так ты, что же, выходит, по господскому званию тоскуешь? – ехидно усмехнулся милиционер. – Пора уж, старик, о прошлых то временах забыть.

– Дурак, ты, Кондраша, хоть и при власти состоишь – беззлобно огрызнулся дед, сверкнув на милиционера белками глаз. От въевшейся в кожу угольной пыли веки его глаз казались подведенными тёмной тушью.

– Не по званию я тоскую, а по – отношению! Народ ремеслом перестал дорожить, машину уважать разучился. Мне вчера один деповский рассказывал, как ныншняя молодёжь свои паровозы называет.

– И как же?

– «Касса»! – с возмущением фыркнул старик. – Для них локомотив – всего-навсего казённая рабочая лошадка для заработка. А для меня, моего отца, деда Фрола, машина была и вторым домом, и членом семьи, и храмом. Мне по молодости лет дед подзатыльники отвешивал, если я позволял себе свистнуть или высморкаться в паровозной будке. Скверное слово сказать в машине считалось за великий грех, а тут: «касса»!

– Э-ка, куда тебя шатнуло, Степаныч! – хохотнул милиционер, закуривая. – Храмы кончились вместе с революцией. А для рабочего человека, что станок, что твой паровоз, – всего лишь орудие труда, и делать из него культ – не по-пролетарски.

¹Официант.

²Сорта отборной водки.

После такого выговора старик на некоторое время обиженно замолчал. С разрешения хозяина помещения он вынул кисет, насыпал в кусочек газеты зелёной самогонной махорки, обстоятельно скрутил папироску. Немного покурив в задумчивости, машинист выругался в ответ на какую-то свою мысль.

– Э-ка заноза то!

Вскоре выяснилось, что пришёл он к приятелю-инспектору искать защиты от произвола его сослуживца. Кто-то «настучал» в местную милицию, что будто бы машинист маневрового паровоза велел своему помощнику скинуть с тендера мешок с казённым угольком возле домика одинокой вдовушки, что стоял сразу за семафором. Уполномоченный БХСС по фамилии Ерохин пригрозил 72-летнему ветерану уголовным делом и пятью годами Соловков. Дед был не столько даже напуган, сколько оскорблён тем, что его записали в воры. Светлоусый милиционер обещал старику поговорить с сослуживцем и попробовать замять скверную историю.

– У тебя ко мне всё? – спросил он у старика, давая понять, что теперь ему пора заниматься служебными делами. Но машинист не торопился уходить. Он вновь с оценивающим прищуром оглядел понурую фигуру задержанного подростка, после чего поинтересовался у приятеля:

– А за что ты паренька в оборот берёшь, Кондраша?

– А вот это не твоего ума дело, гражданин Купцов. А будешь в оперативные дела вступать, так я тя вмиг оформлю! – строго предупредил милиционер. – И запомни: на службе я тебе не Аркаша, а официальное лицо: товарищ уполномоченный отдела охраны НКПС*.

Старик вновь на некоторое время замолчал, задумчиво пуская под сводчатый кирпичный потолок густые облака ядрёного махорочного дыма. Он давно изучил взрывной, но отходчивый нрав своего знакомого и тактично пережидал пока тот немного «стравит избыточный пар»...

После некоторой паузы машинист дипломатично завёл разговор о молодой жене и маленьком сыне милиционера, осторожно вновь подводя беседу к заинтересовавшему его подростку. В конце концов, светлоусый сам рассказал старику все подробности задержания юного воришки:

– ...Во, гляди, даже шарманку вашу паровозную приготовил, чтобы ворованную машинку в неё спрятать – милиционер кивнул на стоящую на полу улику. – Мал жульчонок, да удал: рассказывал мне тут, что будто бы на фотографию паровоза засмотрелся, и на этом, мол, и погорел!

*Народный комиссариат путей сообщения.

Но вместо того чтобы возмущаться коварством Борьки, придумавшего маскироваться под паровозника, и пытавшегося разжалобить милицию, старик многозначительно протянул:

– М-да-а!... Выходит, душа у него к нашему делу Богом заточена, раз мимо образа машины пройти не смог...

– Вновь старую шарманку завёл! Да будет ерунду то городить! – задосадовал милиционер. – Снова ты со своими предрассудками: душа, образ, бог! Если ты в своей паровозной механике за семьдесят годков чего-то понимать наострился, то в чужой огород не лезь.

Но машинист принялся горячо уговаривать милиционера отпустить парня. В своей решимости отстоять Нефёдова старик оказался неуступчивым:

– Он же только жить начинает, а ты его под откос решил... Не бери грех на душу, Кондраша! Ну, проскочил парень семафор, со всяким может статься... Ты себя хоть вспомни в его то годках, небось, тоже по части шkodничества был мастак?...

Ты, вот что, Кондраша, всыпь-ка для порядку охальнику ремнём по заднему буферу, и выдай ему на первый раз полную амнистию. А я его на поруки возьму. Сам знаешь, у меня помощник через два месяца в армию уходит, так может твоего арестанта получится к ремеслу приладить. Парень он вроде жилистый, шустрый, опять же машиной интересуется.

Тут машинист подошёл к изумлённому таким поворотом дела Борьке:

– А ты, разбойничек, поддувало то закрой! Чай не запросто так тебя с кичи выручаю. Лопатой кочегарской мне сполна отработаешь...

Это было похоже на чудо: после долгих уговоров старика милиционер всё-таки сдался и разрешил машинисту забрать задержанного подростка. Из отделения на свежий воздух Борька вышел с таким чувством, словно его и впрямь выпустили по амнистии из тюрьмы. Старик издали поприветствовал, прогуливающегося по перрону важного человека в красной фуражке дежурного по станции. Тот благосклонно кивнул в ответ.

– Ну что, пошли Марью Ивановну нашу искать? – словно его родной дед – строго и одновременно ласково с покровительственными нотками в голосе обратился к Нефёдову пожилой машинист. Старик быстро зашагал в конец перрона. Борька едва поспевал за ним.

Метрах в трёхстах от серого здания вокзала на запасных путях у складских пакгаузов остывал после многочасовой работы небольшой маневровый паровоз. Старому трудяге было далеко до элегантной красоты стремительных дальнемагистральных пассажирских локомотивов и богатырской мощи грузовых гигантов. И всё-таки это была особенная машина! За свою недолгую паровозную судьбу Нефёдов успел всею душой полюбить эту кособокую выносливую «кукушку» по прозвищу «Марья Ивановна», а также её машиниста Ивана Степановича Купцова.

Первое, что поразило мальчишку, это идеальная чистота паровоза. Его поручни, ступеньки подножки, даже стальные бока были тщательно обтёрты, полуметровые колёса блестели свежей краской. А ведь Борька был уверен, что совсем недавно – сперва вместе с Матросом, а затем из окна милиции – видел этот же паровоз запылённым и перепачканным маслом и смазочным салом. Но теперь он выглядел, как броненосец перед визитом адмирала.

Только позднее Борька понял, какой ценой достигался такой поистине флотский порядок на машине, которая каждую секунды работы подвергалась загрязняющему воздействию угольной и дорожной пыли, копоти, масла и т.д.

Возле паровоза невозмутимо покуривал чумазый помощник. Старик представил молодых людей друг другу. Перед тем, как подать Нефёдову руку, кочегар тщательно обтёр её паклей. И всё равно после рукопожатия борькина рука надолго обрела запах смазочного масла. Сам же молодой помощник, казалось, был насквозь пропитан угольной пылью, маслом, керосином и салом. Невозможно было определить, какой цвет изначально имели его штаны и куртка, совершенно твёрдая от изгари кепка, но теперь они были чёрными, как уголь. От кочегара исходил тяжёлый, одуряющий запах пота и разной технической пищи, которую в большом количестве потреблял паровоз...

Перед тем, как подняться в кабину машинист обошёл «Марью Ивановну» с личным молоточком, обстукивая её, словно музыкант, пробующий камертоном инструмент перед выступлением.

– А ну, давай наверх! – наконец велел он Борьке, пропуская юношу первым на правах гостя в паровозную будку. В кабине царил основательный порядок, как в зажиточной крестьянской избе: медные детали надраены до блеска, стенки обшиты рейками и украшены портретами вождей партии и популярных киноартистов, боковые оконные проёмы декорированы бахромой и для удобства снабжены мягкими подлокотниками, чтобы смотрящему вперёд машинисту было удобно облокотиться об оконный косяк. В отдельных, заботливо покрытых лаком, ящиках хранились инструменты и краска с кисточками, а у входа лежали несколько половых тряпок. И ещё буквально повсюду можно было увидеть куски пакли для протирки всего и вся. Борька с уважением прочёл на сверкающей, словно медаль медной табличке над топкой: «Акционерное общество «Сормовские заводы». 1913 год».

Так началась для Нефёдова его недолгая паровозная эпопея. Паровозы действительно оказались борькиной стихией, а Иван Степанович и его помощник Никита хорошими настав-

никами. За это время Борька неплохо освоился с работой кочегара, научился заправлять паровоз маслом и водой. Степаныч свою науку преподавал основательно, иногда с неспешным «паровозным» юмором. Например, любой мало-мальски знакомый с принципом работы паровозного котла человека знает, что растопка паровоза невозможна без тяги – искусственно создаваемого движения воздуха или пара в котле. И вот Степаныч, хмурия брови, посылал салагу на топливный склад – принести ведро тяги и без него не возвращаться. В ответ на просьбу Борьки отмерить ему ведро тяги бойкая кладовщица крутила пальцем у виска и советовала чудаковатому пареньку провериться у «психического доктора». На такие шуточки Борис не обижался, ведь новичка-юнгю на флоте тоже принято беззлобно разыгрывать, посылая за какой-нибудь надобностью на клотик*.

* Окончание мачты или флагштока.

После трёх месяцев работы подручным у кочегара Степаныч стал изредка допускать Борьку от «шуровки»* к рычагам и вентилям управления. Для юноши это были упоительные уроки, даже не смотря на подзатыльники и грозные окрики учителя:

– На манометре 13¹, осаждай! – перекрывая мощным басом грозный гул белого пламени в топке, кричит машинист ловко орудуя лопатой помощнику, и тут же весьма чувствительно толкает Нефёдова пудовым кулаком между лопаток: «Механик, не зевай!».

Борька тут же крутит регулятор, тянет реверс на ноль и поворачивает ручку тормоза – раздаётся оглушительное шипение, за которым следует лязг сцепок вагонов, «пойманных» для угона на формирование нового состава. Борьку захлёстывает восторг и гордость от ощущения власти над грубой и мощной машиной. В это время паровоз, словно чувствуя настроение молодого машиниста, покорно вздыхает, выпуская паровые струи...

Потерявший в гражданскую единственного сына, а недавно ещё и схоронивший жену, с которой душа в душу прожил без малого сорок лет, Степаныч быстро привязался к воспитаннику и часто звал его просто «сыном».

*Отверстие в топке от слова «шуровать» (лопатой уголь в топке).

¹Имеется в виду атмосфер.

Фанатичное пристрастие Борьки к паровозам совпало в тот год для него с ещё одним увлечением, быстро выросшим в более серьёзное чувство. После истории со спасением Ольги Тэсс между ними возникли дружеские отношения. Вначале Борька несколько раз навестил девушку в больнице. Их встречи продолжились и после выписки Тэсс.

Очень быстро юноша осознал, что общаться с Ольгой ему не скучно. Эта девушка охотно поддерживала разговор на интересующие Нефёдова темы. Она с удовольствием слушала рассказ Борьки про то, как его машинист Иван Степанович Купцов, надев на себя два ватника, две пары рукавиц, всячески закутавшись и забинтовав, смазанное жиром лицо, и оставив только щёлочки для глаз, лазил по просунутой в «шуровку» доске в самое пекло неостывшей топки – чистить её забитые колосники от плохо прогоревшего некачественного угля. Надо было срочно выполнять дневной план, а отправить на ремонт паровоз было нельзя – вторая маневровка накануне вышла из строя:

– Мы с Никитой едва успели выдернуть нашего Петровича за ноги из печи, – вновь переживая в своём воображении все перипетии рискованного дела, в лицах показывал, как

всё было Борька. – Он уже сознание начал терять, но ничего, обошлось. Мы на него три ведра воды вылили, я за пивом быстро сбегал и оклемался наш старик, только брови обгорели...

– И что же ты теперь решил в машинисты идти? – интересовалась Ольга. – Ты же в лётчики собирался, как отец.

– А паровоз не хуже самолёта! – с широкой озорной улыбкой отвечал Борька и, отбивая чечётку, напевал: «Люблю тебя, моя родная, как свой курьерский паровоз...».

Ольгу не пугали дикие выходки приятеля. Она знала, что за хулиганской наружностью кроется честная благородная душа. Девушку завораживали его голубые бездонные лучезарные глаза прирождённого романтика и мужественные черты энергичного лица. Ей нравился дерзкий взгляд юноши и его взрывной решительный характер человека, способного на Поступок. Да, Нефёдов не блистал особой красотой, не выделялся ростом и статью, но чувствовалась в нём, так ценимая женским сердцем надёжность. Именно таким, по мнению Тэсс и должен быть настоящий мужчина.

6 Глава

– А это правда, что твой отец до того как стать лётчиком, служил в гусарах? – поинтересовалась Ольга.

– Точно – с гордостью ответил Борька. – Его в кавалергарды за небольшой рост не взяли, а в гусарах со времён лихого партизана Дениса Давыдова больше на удаль смотрели, чем на внешние данные.

Разговор происходил на конной тренировочной базе Курсов усовершенствования состава кавалерии РККА. Ольга постепенно начинала привыкать к тому, что Борис каждый раз устраивал для неё экскурсию в новое экзотическое место. Благодаря Нефёдову девушка уже побывала в ремонтном железнодорожном депо, прокатилась в кабине локомотива. Затем сын героя красного воздушного флота попросил друга отца показать будущей журналистке повседневную жизнь аэродрома. И вот они находятся в привилегированной школе красных кавалеристов.

Дежурный по КПП был заранее предупреждён об их приходе и встретил молодых людей очень приветливо. Он даже предложил выделить гостям в сопровождающие красноармейца, но Борис вежливо отказался:

– Я тут раньше часто бывал с отцом и неплохо ориентируюсь.

– Виноват! – с понимающей улыбкой козырнул дежурный, тряхнув казачьим чудом и звякнув шпорами. – Тогда желаю удачи!

В конюшне Ольгу поразила идеальная чистота и обилие дневного света, льющегося через многочисленные окна. В помещении приятно пахло сеном. На специальном столбе перед каждым денником* висело седло. Лошади выглядели ухоженными и довольными жизнью. С разрешения молодого конюха Ольга с удовольствием покормила белую кобылу принесёнными с собой яблоками и морковью. Лошадь очень деликатно брала из рук девушки своими большими мягкими губами вкусности. Угощение ей явно нравилось, так как она фыркала от удовольствия, и как казалось девушке, благодарно кивала ей головой.

– Никогда не думала, что у лошадей такой осмысленный взгляд! – Ольга впервые так близко встречалась с этими удивительными животными и была поражена. – Я смотрю ей в глаза, и, кажется, понимаю её мысли.

– Она знает, что твоя ласка бескорыстна, – пояснил Борис, похлопывая лошадь по шее. – Но чаще всего человек смотрит на коня, как на своего раба, которого лаской или болью

необходимо подчинить своей воле. Побаловав лошадь вкусеньким, он суёт ей в рот острое железо упряжи, которое разрывает ей небо, бьёт хлыстом, вонзает в бока острые шпоры.

Нефёдов стал рассказывать Тэсс про знаменитого тренера Гризо, который учил своих клиентов жестоко избивать лошадей палками по голове, чтобы научить их покорности.

– Мой отец тоже, когда служил в гусарах, очень долго не понимал, что причиняет любимому коню боль, пока не познакомился с одним французом. От него он узнал о системе «Эколь». Ещё в XVI веке появились великие всадники, проповедующие отношение к лошади, как к равноправному товарищу, а не как к рабу...

Они вышли из конюшни. У ограждения манежа спиной к молодым людям стоял человек в белой барашковой кубанке¹ и длиннополой шинели. Совершенно расстроенным голосом он громко наставлял одного из всадников:

– Да не сиди ты самоваром в седле! Почувствуй себя с конём единым целым, расслабь плечи, бёдра. Перед препятствием – корпус вперёд и отдавай повод. Позволь лошади самой напрыгивать на барьер! Она лучше тебя знает, как это сделать... Послушай, Николаев, дай своему «Гладиатору» полную свободу и он вынесет тебя из любой переделки.

Но курсант, к которому обращался инструктор, словно не слышал адресованных ему советов. Он яростно стегал коня нагайкой, материл и ударами шпор гнал на барьер. В конце концов, обезумевший от боли жеребец встал на дыбы и скинул своего седока.

Резко досадливо отвернувшись, и не замечая стоящую поблизости юную пару, инструктор простонал вслух:

– Вот тупая скотина!

Не трудно было догадаться, кого именно имеет в виду опытный наездник. Тут инструктор увидел знакомое лицо и радостно воскликнул:

– Борис! Наконец то пожаловал, дружище!!! А я уж сам собрался тебя разыскивать.

Юноша и молодой мужчина обнялись. Нефёдов представил коннику свою спутницу. Ольга улыбнулась новому знакомому, стараясь ничем не выдать своего замешательства. Когда-то привлекательное, ещё молодое лицо кавалериста было страшно обезображено грубыми шрамами. У него отсутствовал правый глаз.

*Закрытое стойло в конюшне для размещения одной лошади.

¹ Разновидность папахи.

В первые секунды знакомства инструктор настороженно искал на лице хорошенькой брюнетки привычные признаки страха или отвращения. Его всегда задевало, когда на улице встречные девицы, едва завидев изуродованного войной калеку, морщили свои хорошенькие носики и торопливо отводили испуганные глазки в сторону. Но Тэсс выдержала экзамен, чем сразу заслужила расположение бывалого вояки.

– Рад познакомиться с настоящей журналисткой, – протянул Ольге сильную руку кавалерист. – Я такими себе и представлял людей вашей профессии: внешне интеллигентными, но со стальным душевным сердечником.

– Я тоже себе так и представляла настоящих воинов – вернула комплимент девушка.

После этого разговор зашёл о жизни Борьки в приёмной семье. Чтобы не огорчать близкого человека Нефёдов начал плести небылицы о своём райском бытии в доме Фальманов. Кавалерист удовлетворённо кивал головой.

– Рад, дружище, что у тебя всё в порядке. Жаль только перестал приходить к нам. А я ведь обещал твоему отцу сделать из себя знатного наездника и рубаку.

Инструктор повернулся к Ольге:

– Вы должны знать, барышня, что ваш знакомец уже в свои пятнадцать лет может дать фору многим из тех командиров, что я здесь учу.

– Охотно верю – усмехнулась Тэсс, многозначительно взглянув на сброшенного конём всадника. Полученный урок джигитовки стоил бедняге разорванных красных чакчиров² и разбитого при столкновении с землёй носа.

Радостное выражение на лице инструктора сменилось маской полного отчаяния.

– Ну разве этот мешок с...сахаром можно чему-то научить! И ведь целым кавполком как-то умудрялся командовать! А после курсов наверняка бригаду, а то и дивизию получит... Во, глядите, сейчас жаловаться придёт.

Действительно, вскоре пострадавший подошёл к инструктору прихрамывающей походкой. И сразу стал обвинять тренера в том, что он обучает курсантов не по уставу. Ещё больше досталось лошади, у которой по убеждению незадачливого наездника серьёзно нарушена психика, а также «имеются веские причины калечить красных командиров»:

– Тупое животное совершенно не пригодно для обучения курсантов. Этого вороного контрика необходимо немедленно пристрелить. Не удивлюсь, если эта сволочь когда-то ходила под казачьим офицером.

Инструктор терпеливо выслушал длинный монолог горе-наездника и задумчиво посоветовал:

– Будут давать бригаду, – проси танковую, Николаев.

– Не понял? – опешил от неожиданности скандалист.

– Они железные, – философским тоном пояснил тренер. – Пинай и стегай их нагайкой по броне сколь душе угодно, – танкам всё равно...не то, что лошадям.

Несколько секунд обескураженный командир растерянно хлопал глазами на простого инструктора, который осмелился давать глупые советы ему – комполка, без пяти минут комбригу!

Не дожидаясь, пока высокопоставленный бузотёр придёт в себя и устроит ему грандиозный разнос инструктор предложил своему пятнадцатилетнему ученику:

– А ну-ка, Борис, будь ласков, – покажи, товарищу, на что наш «Гладиатор» способен. А то он его – верного дружка в контрики записал.

«Что-то сейчас будет!» – азартно предвкушала редкое зрелище Ольга и не ошиблась.

Нефёдов радостно кивнул, ловко перемахнул через барьер манежа; свистом подозвал жеребца, и на бегу – пружинистым заскоком вскочил в седло. Инструктор рядом с Ольгой довольно прокомментировал:

– Молодец, паря! Не забыл нашу науку.

Лошадь галопом понеслась по площадке, на полном скаку перепрыгивая барьеры и рвы импровизированных окопчиков. Пройдя на «Гладиаторе» все препятствия, Борька несколько раз особым приёмом перевернулся в седле – спиной к хвосту и обратно; притворился мёртвым, словно сорвавшись с седла, и наработанным за многие тренировки рывком вернулся обратно. Затем на ходу подхватил с земли брошенную учителем шашку и тут же начал рубить её воздух налево и направо.

– Ах, молодца! Ай, джигит!!! – восхищённо нашептывал себе под нос учитель, едва заметными движениями корпуса и рук повторяя движения ученика.

Инструктор сообщил Тэсс, что намерен ассистировать её приятелю в сложном трюке:

– Сейчас я вытяну руку с платком, а он его на полном ходу остриём шашки подхватит.

– А можно я попробую! – вдруг попросила кавалериста Ольга.

– А не боишься без пальчиков остаться, сабля то не деревянная, – заточена, как бритва.

Ольга бросила взгляд на всадника в дальней стороне манежа. Сердце бешено колотилось в её груди. Было страшно и одновременно сладко. Никогда до сих пор она не испытывала такого пьянящего ощущения полноты жизни.

– Давайте ваш платок! – и, не дожидаясь пока инструктор отдаст ей платок, Ольга сама выхватила из рук одноглазого кавалериста белый кусочек ткани и решительно выставила руку за ограждение.

Вначале, увидев, кто держит платок, Нефёдов чуть не осадил на полном скаку несущегося галопом жеребца: «Вот сумасшедшая! И как только Близняк ей разрешил? Тут стальные нервы нужны. Дернется девчонка в последний момент и всё...». Но нежное лицо Ольги выражало такую безоглядную решимость довести задуманный кавалеристом трюк до конца, что Борис сразу успокоился и полностью сосредоточился на прицеливании, взвешивая в руке тяжёлую кавалерийскую шашку.

Оказавшись напротив того места, где стояла Ольга, всадник быстрым ловким движением подхватил платок на острие клинка. И прежде чем взмыленный «Гладиатор» унес его прочь, юный герой успел поймать восторженный взгляд карих девичьих глаз...

Сделав победный круг по манежу, всадник снова оказался напротив того места, где находилась Тэсс. Могучий красавец «Гладиатор» вдруг начал исполнять перед девушкой грациозный танец. Создавалось впечатление, что танец жеребец затеял по собственной воле, ибо его всадник совершенно отпустил уздечку и только ласково похлопывал старого приятеля по шее, да что-то временами нащёптывал ему в ухо.

Вдруг совершенно неожиданно конь вместе с наездником стал заваливаться на бок. Похоже было, что у него случился внезапный разрыв сердца или иная напасть. Даже инструктор чертыхнулся от неожиданности.

– Держись! – закричала Ольга. Девушка вся подалась вперёд. Её судорожно вцепившиеся в барьер руки побелели от напряжения. Ольга с ужасом смотрела на то место, где на жёлтом песке неподвижно лежал конь и придавленный им всадник. Ноги девушки наполнились свинцом; она чувствовала, что не может сдвинуться с места.

И тут сердце Тэсс радостно забило. «Мёртвый» «Гладиатор» резво вскочил на ноги и радостно заиграл под седоком. А выкинувший фокус с «умиранием» Борька озорно глядел на мгновенно побледневшую подругу.

² Гусарские штаны.

В трамвае по дороге домой совершенно счастливый Борька говорил не умолкая. Они оба жадно наслаждались общением друг с другом. Зревшее юное чувство внезапным прыжком вырвалось на поверхность...

Молодой человек поведал девушке историю одноглазого кавалериста. В гражданскую Близняк получил в общей сложности 24 сабельных ранения. И каждый раз, когда могучий молодой организм эскадронного командира перебарывал смерть, и страшные отметины казачьих клинков начинали понемногу затягиваться, доктора только изумлённо разводили руками.

Но в оплату за оставленную жизнь мстительный бог войны позаботился о том, чтобы послевоенное существование инвалида превратилось в страшное испытание. Несколько раз в месяц персонального пенсионера Красной армии настигал жестокий припадок с сильнейшими судорогами, закатившимися в беспамятстве глазами и пеной на губах. Хорошо если рядом оказывались сослуживцы, которые бережно переносили страдающего от ран товарища на кровать и следили, чтобы до приезда врачей он не подавился собственным языком или не причинил себе иного вреда. Но бывало, что суровое испытание настигало Близняка в

компании случайных собутыльников или на кухне коммунальной квартиры, где все только и мечтали, чтобы беспокойный алкаш-сосед поскорее съехал на кладбище.

Борька мечтал в будущем, когда у него появиться собственный угол и надёжный заработок, взять израненного друга к себе в дом и ухаживать за ним.

– Семьи то у Близняка нет. Вот и получается, что я для него самая близкая душа. Да и он для меня тоже... Хотя, вру! – радостно спохватился Борька. – Мне ведь батя в наследство ещё одного своего закадычного дружка оставил – Николая Ивановича Латугина. Ну, помнишь: безногий лётчик, который тебе аэродром показывал. Его сейчас на руководящую работу в Главсевморпуть³ приглашают. Он мне тоже, как Близняк и машинист Степаныч – настоящая родня...

³ Главное управление северного морского пути СССР, в которое входило управление полярной авиацией, куда был приглашён на работу Латугин.

Ольга в порыве ответной откровенности рассказала Нефёдову о своей семье: о влюблённом в своих женщин и работу отце, о матери, которая перед самой империалистической войной окончила институт благородных девиц и с тех пор практически не работала, занимаясь только домом и воспитанием ребёнка.

– Даже когда отец не так много зарабатывал, он всегда решительно возражал, если мать тоже собиралась найти какую-нибудь работу. Он очень нежно к ней относится, как к хрупкому цветку, и всячески старался закрыть своей широкой спиной от опасностей внешнего мира. Я всегда завидовала их отношениям.

Ольга решила для себя, что между нею и Борисом не должно быть тайн. Она была абсолютно уверена в друге и поэтому лишь единственному ему призналась, что когда будет выходить замуж, то обязательно обвенчается со своим избранником в церкви, как это сделали её родители. В начале тридцатых годов из уст комсомолки подобное признание выглядело, мягко говоря, странным, но Борис сам был сыном царского офицера, хоть и перешедшего на сторону красных. Его мироощущение значительно отличалось от стандартного менталитета большинства ребят его возраста, воспитанных на карикатурах из журнала «Безбожник» и кинофильмах, где старорежимные попы и дворяне показывались в чрезвычайно неприглядном свете...

7 Глава

Дружба Бориса с Ольгой Тэсс рано или поздно должна была привести Нефёдова к жёсткому столкновению с Тюхисом. Артур тоже всерьёз увлёкся миниатюрной брюнеткой и настойчиво навязывал ей свою дружбу. Горделивый красавец легко простил себе малодушное бегство от тонущей девушки в истории с неудачным танцем на перилах железнодорожного моста. В то же время он привык всегда получать желаемое и умел ждать...

В конце февраля Тюхис, как член школьного комитета комсомола предложил кандидатуру Тэсс на должность Главного редактора школьной стенгазеты. Ольга с энтузиазмом взялась за предложенную работу. Она рассчитывала получить направление Райкома в приёмную комиссию журфака. Вот только непосредственным куратором вновь назначенного Главреда был назначен некто иной, как Тюхис. С ним Тэсс должна была согласовывать все заметки и карикатуры. Поэтому каждую пятницу, когда планировался очередной выпуск газеты, Ольге приходилось до позднего вечера задерживаться с Артуром в школе.

Борис всегда ожидал подругу на улице. В этот вечер он тоже, как обычно караулил Тэсс на гимнастической площадке.

Неожиданно из дверей школы появилась Зинка Васильева. Обычно милое простодушное лицо девушки было перекошено от злости. Увидев Нефёдова, она крикнула:

– Эй, поговорить надо!

Борька соскочил с турника, на котором крутил «солнышко» и вразвалочку подошёл к блондинке. По широким щекам «Василисы Прекрасной» были размазаны слёзы. Зарёванный вид одноклассницы удивил Нефёдова.

– Зин, тебя кто-то обидел? – участливо спросил он.

– Ногу на лестнице подвернула! – буркнула Васильева. – А тебе наша мадам велела передать, чтобы ты в кабинет литературы подняться. Ты ей зачем-то срочно понадобился.

Выпалив это, Зинка зарыдала и бросилась прочь от школы. Борька проводил удивлённым взглядом резво убегающую «хромоножку» и отправился искать Тэсс.

Из-за неплотно закрытой двери кабинета литературы, где каждую пятницу готовился очередной номер стенгазеты, доносились голоса. Разговор шёл на повышенных тонах.

– Я не собираюсь продолжать этот разговор, мне пора идти. Чувствовалось, что Ольге стоило немалых усилий сохранять спокойствие в складывающейся ситуации. Неприятный ей разговор, судя по всему, начался достаточно давно. Во всяком случае, чем-то глубоко уязвлённый оппонент Тэсс, похоже, намеревался до конца выяснить отношения:

– Ах да, понимаю! – язвительно воскликнул Тюхис. – На улице тебя ждёт верный портфельносец!!! Послушай, Оль, неужели ты не понимаешь, что дружба с этим начинающим уголовником уже компрометирует тебя. Если же это затянется, то он просто сломает тебе жизнь. Все твои мечты разобьются об этого примитивного типа. Кто-то из великих сказал, что судьба человека, это его характер. Нефёдова же его взбалмошный характер может довести лишь до тюрьмы или пьяной лавочки.

– Но именно благодаря его характеру я до сих пор жива – резонно возразила Тэсс. – Будь он осмотрительней и дальновидней, вряд ли прыгнул бы за мной с моста, рискуя жизнью.

– Снова ты об этом нелепом случае – как будто погрузистел Артур.

Возникла пауза, на протяжении которой стоящий в коридоре Борька напряжённо ожидал, что его недоброжелатель противопоставит столь разящему аргументу. Фактически Артуру оставалось лишь признать свою слабость и попытаться найти себе какое-нибудь более-менее сносное оправдание. Но Тюхис поразил Нефёдова своей беспринципной изворотливостью. Он принялся убеждённо говорить о том, что, мол, Борьке с высоты было лучше видно, куда именно упала девушка, поэтому Нефёдов прыгнул именно в нужное место. Он же – Тюхис получил при ударе о воду небольшое сотрясение мозга и временно потерял ориентацию.

– Когда же я немного очухался, то сразу принялся тебя искать, и обязательно нашёл бы, если бы твой нынешний приятель не нанёс мне несколько предательских ударов в живот.

У стоящего в коридоре Нефёдова возникло такое ощущение, словно это его внезапно ткнули кулаком в поддых.

– Что ты несёшь?! – возмутилась Тэсс. – Зачем Борьке было тебя бить?

– Хм, не знаю... Наверное ты ему тоже нравишься, и он воспользовался случаем показать себя геройским парнем – предположил Артур, и авторитетно пояснил: – Знаешь, у шпаны, с которой он общается, подобные подлые приёмчики в большом ходу.

«Вот сволочь!» – Борька едва сдерживал себя, чтобы немедленно не ворваться в класс и не наброситься на поливающего его грязью негодяя. Останавливало его лишь нежелание обнаруживать себя. Не хотелось, чтобы Ольга узнала, что он как шпион стоял за дверью и подслушивал чужой разговор. «Ничего, с этим провокатором Артурчиком я после поквитуюсь!» – успокаивал себя Нефёдов. – Пускай попробуем мне в глаза повторить свою версию».

Между тем голос Тюхиса наполнился справедливым негодованием комсомольского вожака:

– И вообще, ты должна многое пересмотреть в своей нынешней жизни. Запомни, товарищ Тэсс: советская пресса является передовой идеологического фронта с капиталистическим окружением. Поэтому в наших газетах и журналах не могут работать люди, маскирующие комсомольским значком свою мещанскую сущность. Ты хоть знаешь, что некоторые девочки зовут тебя «Мадам»?

Тюхис стал говорить о том, что для комсомолки недопустимо ходить в кокетливых нэпманских жакетах и юбках, пользоваться духами. Действительно, своим внешним видом, манерами и полученным дома воспитанием Ольга выделялась из среды одноклассниц. Она была настоящей «белой вороной» и естественно вызывала у менее красивых, тонких и обранных сверстниц зависть.

– Учти, Тэсс, у меня появились сведения, что ты носишь цепочку с церковным крестиком. Если ты не снимешь эту поповскую побрякушку, то вылетишь из комсомола. Это я тебе обещаю.

Слова Тюхиса прозвучали почти как приговор. Впрочем, он тут же продемонстрировал, что готов взять девушку под своё персональное покровительство:

– Скажи спасибо, что я притормозил эту информацию. А не то, если бы дело дошло до райкома ВЛКСМ, тебя бы давно вышибли.

Вновь повисла тишина. Борька заволновался: как отреагирует Ольга на запугивания этого расчётливого гада? Её журналистское будущее действительно в какой-то степени оказалась в руках прирождённого интригана.

Из-за двери класса вдруг донёсся какой-то шум. Было похоже на то, что девушка порывисто бросилась к выходу, но Артур преградил ей дорогу.

– Я ещё не услышал слов благодарности! – довольно развязно заявил Тюхис. Нефёдов бросился на выручку подруге. В это время у дверей класса произошла какая-то шумная возня, завершившаяся отчётливым звуком звонкой пощёчины.

При внезапном появлении Нефёдова Артур сразу отступил вглубь класса и встал в боксёрскую стойку. На его лице заиграла презрительная улыбка:

– А вот и наш Ромео из подворотни явился! Поди заждался за кулисами своего выхода? Что думаешь делать: утетишь вначале свою Джульетту или сразу вызовешь меня на дуэль?

Борька презрительно сплюнул на ботинок врага и повернулся к Ольге:

– Хорошо же ты его припечатала... Просто красиво! Жаль не долговечное клеймо, придется его подретушировать.

На левой щеке смазливового блондина после пощёчины осталось красное пятно.

Борька двинулся на противника, глядя Артуру прямо в зрачки. Он почти физически ощущал его страх. Тюхис не мог не понимать, что от его боксёрского искусства сейчас мало проку. Сколько бы раз хорошо тренированный атлет не посылал резкими точными ударами своего противника на пол, тот всё равно будет вновь и вновь подниматься, и идти вперёд.

– Я не стану с тобой драться! – вдруг заявил Тюхис и демонстративно опустил руки. – За драку в школе положено исключение. И вообще настоящий комсомолец не опуститься до кулачных разборок. Если ты что-то имеешь против меня, приходи на собрание ячейки и поднимай вопрос.

Борька торжествующе ухмыльнулся.

– Какой же ты трус! – изумлённо воскликнула Тэсс. Девушка не могла поверить, что молодой человек с таким заоблачным самомнением способен так низко пасть, да ещё на глазах девушки.

– Думай обо мне, что хочешь! – пожал плечами Тюхис. Взяв портфель и куртку, он направился к двери, но Борька не собирался так просто отпускать клеветника:

– Одну минуточку! – Нефёдов плечом перекрыл противнику выход. – Вначале тебе придётся извиниться, сам знаешь, перед кем. После этого ты честно расскажешь Ольге, как бросил её беспомощной в реке и полным ходом драпанул в сторону берега. Уверен, что ты не забыл, как я тогда тебе крикнул: «Где Ольга?», а ты даже не обернулся мне ответить.

Стоящие вплотную друг к другу молодые люди представляли собой разительный контраст. Один был выше другого на целую голову, шире в плечах, гораздо лучше одет и привычен к успеху. Зато второй обладал несравнимо большей внутренней силой и потому диктовал условия первому:

– Давай, Артурчик, – сними грех с души.

– Хорошо, если ты настаиваешь, приходи завтра в пять на пустырь за старым немецким кладбищем, там и продолжим разговор, – предложил Артур и попробовал отеснить Борьку от двери.

– Я же сказал, извинись перед девушкой прямо сейчас! – угрожающе повысил голос Нефёдов.

В разговор вмешалась Ольга:

– Пусть он идёт. Не надо никаких извинений...

В той подростковой среде, к которой принадлежали Тюхис и Нефёдов, сложилось некое подобие дуэльного кодекса. В случае серьёзного конфликта противники должны были назначить место для поединка и явиться туда со своими секундантами.

Правда, в этих джентльменских правилах существовала одна поправка, которая позволяла при большом желании избежать синяков и ссадин, не потеряв при этом лица. Этой лазейкой Тюхис и воспользовался.

Когда Борька с двумя приятелями явился на заброшенный пустырь, их там ожидал крайне неприятный сюрприз в лице упитанного здоровяка. Васька по прозвищу «Бегемот» был сыном дворничихи, работающей в том доме, в котором жил Артур. Удачливый сын высокопоставленных родителей имел дальновидный прицел на будущее, когда снизошёл до дружбы с мальчишкой из полуподвальной каморки. Примитивный, но преданный громила был счастлив доказать Артуру на деле свою дружбу. Борька точно не знал, какой раз подряд Васька остаётся на второй год в пятом классе, но физически он был развит лет на восемнадцать.

Как только Нефёдов со своими секундантами появился на месте назначенного поединка, «Бегемот» снял с себя старенький пиджачок, тельняшку, и стал играть выпуклыми мышцами торса. Его тело самой природой было предназначено к тяжёлому физическому труду и жестоким кабацким побоищам.

– Он будет драться за меня, – объявил противнику Тюхис, хозяйски похлопав своего бойца по толстому плечу. Артур торжествовал. И почему ему давно не пришла в голову столь очевидная идея разобраться с надоевшим недомерком свинцовыми кулаками «Бегемота».

– Это не честно! – протестовал один из секундантов Нефёдова. – Они в разных весовых категориях, и ты, Артур, как боксёр, это знаешь.

Борька прервал своего товарища. Он принимал бой. Оставалось только решить, когда следует прекратить схватку, и кто будет считаться победителем.

– Пусть дерутся до первой крови, – вновь попытался отстоять интересы товарища секундант Борьки.

– Не соглашайся, – «Бегемот» выразительно посмотрел на Артура, – я его капитально уделаю – целый год лечиться будет.

В итоге было решено, что схватка будет продолжаться до тех пор, пока один из противников не признает себя побеждённым или просто физически не сможет продолжать бой.

Как только назначенный руководить боем парень взмахнул рукой, Васька с разбегу бросился на Нефёдова, надеясь сразу сломать его психологически, сбить с ног и довершить дело ударами сапог по лежащему на земле телу. Борька едва успел отскочить в сторону и размахивающий кулаками «Бегемот» с устрашающим воплем пронёсся мимо. Прямолинейно рубиться со здоровяком было глупо. Нефёдов бы и минуты не выстоял против убойной машины. Его тактика заключалась в том, чтобы вначале основательно измотать более мощного противника.

Борис не слышал обращённых к нему похвальных криков, советов и неодобрительного свиста. Всё его внимание было сконцентрировано только на гонящейся за ним горе мускулов. От каких-то ударов Нефёдову удавалось уворачиваться, какие-то его настигали... Несколько раз Борис словно получал кувалдой по голове. Перед глазами вспыхивал сногискр, земля вдруг начинала уходить из-под ног. Однажды «Бегемоту» удалось поймать вёрткого коротышку за рукав куртки и с размаху врезать ему кулаком в правое ухо. После такого попадания Борька кубарем покатился в кусты...

Он не сразу нашёл в себе силы подняться. Голосов склонившихся над ним друзей долго было не разобрать из-за постоянного звона в голове и в пострадавшем ухе. Это напоминало затянувшееся печальное пение разорванной струны. Кровь из рассечённой правой брови заливала один глаз.

– С тебя хватит.

Нефёдов, наконец, расслышал сквозь звон в голове обращённые к нему слова товарища.

– Ты неплохо отстреливался на отходе, но его толстую шкуру трудно пробить... Я скажу Артуру, что ты не сможешь продолжать бой из-за рассечения.

– Почему же не смогу, – морщась от боли в разбитых губах, улыбнулся товарищу Борька. – Я ещё и не начинал. Это была разминка...

Товарищ осуждающе покачал головой, но отошёл в сторону. Бой возобновился. Почувствовавший своё полное превосходство над соперником Бегемот, теперь успевал осыпать потерявшего резвость противника градом тяжёлых ударов и вдобавок ещё играть на публику.

– «Футбол»! – тоном конферансье объявил название номера Васька, и нанёс по голове жертвы серию коротких боковых ударов, так что Борькина голова замоталась из стороны в сторону, словно мяч. – «Иван Поддубный на арене» – вновь торжественно выкрикнул Бегемот, зажав Нефёдова в стальной обруч своих объятий. Он начал сжимать его так, что у Борьки затрещали рёбра. При этом здоровяк совершенно потерял бдительность. Его раскрасневшееся, мокрое от пота, расплывшееся в широкой самодовольной улыбке лицо оказалось так близко, что Борька смог, наконец, нанести ему сокрушительный удар головой в переносицу. Гигант охнул от неожиданности и пошатнулся. Сжимающие Нефёдова стальные тиски ослабли, и он сразу воспользовался этим для контратаки.

Борис не тратил силы и драгоценные секунды на «правильные» удары. Здесь был не ринг и не рыцарское ристалище. Поэтому секунданты не протестовали, когда приступ страшной боли от полученного удара в пах заставил Ваську с воем сложиться пополам, а потом рухнуть на колени. Впрочем, Борису пришлось ещё основательно потрудиться, прежде чем Бегемот окончательно оказался поверженным на траву.

Когда всё, наконец, закончилось, обессиленный, перепачканный грязью и кровью победитель пошатываясь доковылял до лежащей на земле каменной плиты старого надгробия и лёг на неё. Его начало рвать. То же самое происходило с Бегемотом...

Глава 8

Домой Нефёдова сопровождали друзья-секунданты. Борису было до того худо, что он едва мог перебирать ногами. Фактически всю обратную дорогу он провисел на плечах верных приятелей. Борис тоскливо думал о шквале оскорблений и упрёков, который обрушится на него в квартире Фальманов: «Марго обязательно заведёт любимую пластинку про свою загубленную жизнь и неблагодарного подкидыша, специально делающего всё ей назло. А Яков Давыдович скорее всего промолчит, но посмотрит так, что сам себе станешь противен». Но ведь надо же было где-то отлежаться и «зализать раны», полученные в схватке с Бегемотом...

Во дворе на скамейке перед домом приёмных родителей Нефёдова появления Бориса ожидала Ольга. Уже давно стемнело, а знакомый невысокий силуэт всё не появлялся. Девушка с надеждой устремляла взгляд в тёмную глубину проходной арки, едва оттуда доносился звук приближающихся шагов. В эти секунды Ольга начинала проговаривать про себя заранее заготовленные фразы, чтобы как-то оправдать своё присутствие в этот поздний час в Его дворе. Но каждый раз девушку ожидало разочарование: очередной прохожий чужой походкой проходил мимо, а Бориса всё не было. На сердце Ольги становилось всё тревожней.

Нет, про поединок она ничего не знала. Точнее догадывалась о чём-то таком, но поволила Нефёдову себя успокоить. Когда накануне вечером после стычки с Тюхисом Борис провожал подругу домой, Тэсс спросила его:

– Зачем Артур назначил тебе место для новой встречи?

– Просто надо поговорить... Каяться наверное станет, просить мира, – легкомысленным тоном пояснил юноша. – Его тоже можно понять: наедине со мной без свидетелей это будет сделать проще.

– Может тебе всё-таки не стоит туда ходить? Артур уже доказал, что способен на любую низость.

– Нет, пойду! – отрезал Нефёдов и ободряюще подмигнул своей спутнице. – Надеюсь, тебя устроит заочное извинение этого «богочеловека»?

Ольга осознала свою наивность и глупость, едва поняла, что это Нефёдова несут через двор на руках. Правая часть лица молодого человека превратилась в сплошную гематому, его рубашка и куртка были забрызганы кровью.

Увидев подругу, в печальных глазах которой стоят слёзы, а с побелевших губ готовы сорваться слова жалости, Борис неожиданно стал рассказывать ей анекдот:

– Девушка спрашивает знакомого парня, у которого вместо рожи окровавленная каша: «Что с тобой случилось, милый?». А он ей философски так отвечает: «Вначале было слово...».

Тэсс постаралась не задавать глупых вопросов, хотя в её голове как раз постоянно крутились подобные фразы: «Что случилось?», да «Почему ты меня не послушал?».

Она примерно уже знала от Нефёдова ситуацию в его приёмной семье и потому велела его друзьям вести пострадавшего к ней домой.

Мать Ольги оказалась женщиной понятливой и с крепкими нервами.

– Его, что – сшиб грузовик? – довольно хладнокровно поинтересовалась она у дочери, когда обнаружила в своей прихожей окровавленного молодого человека.

– Нет, мама, его избили... из-за меня.

– Понятно, – одобрительно кивнула высокая статная дама и принялась своими сильными музыкальными пальцами ощупывать голову Нефёдова; затем она внимательно заглянула в глаза пострадавшего и заключила:

– Сильный отёк лица, скорее всего сотрясение мозга, но кости черепа целы и это обнадеживает. Ну-ка, господа секунданты, несите вашего бретёра* на топчан в кабинет моего

мужа. Это прямо по коридору, последняя дверь направо. Оленька, готовь таз и бинты. А я позвоню Берту Гансовичу.

Так звали старого доктора – друга семьи Тэсс.

*Задира-дуэлянт.

На топчане Бориса снова стало тяжело рвать, у него раскалывалась от боли голова.

Вскоре явился седенький доктор в каракулевой шапке-«пирожке», золотых очках, драповом пальто, и в длинном черном старомодном сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Такие «мухоморы», не смотря на свой заплесневелый облик, обычно хорошо знали своё дело. И на счастье Нефёдова в Москве конца НЭПа ещё остались подобные частнопрактикующие доктора старой школы. С его появлением Ольга немного успокоилась, так как почувствовала, что отныне Борис находится в надёжных руках.

Войдя в комнату, где лежал больной, доктор снял сюртук, оставшись в одном жилете, и засучил по локоть рукава белой шёлковой рубашки.

– Ну-с, сударь мой, – странно захихикал старичок, присаживаясь на стул возле кровати Нефёдова, – могу вас успокоить: дело ограничиться моими визитами – судя по вашему героическому виду, священник вам на этот раз не понадобится.

Доктор вытащил из принесённого с собой потёртого саквояжа инструменты и приступил к делу. Прищулив один глаз и оттопырив нижнюю губу, он сосредоточенно осмотрел Нефёдова, послушал с помощью специальной трубы его сердце, посчитал пульс, снова заглянул в глаза пациенту и ощупал голову, сделал укол...

Перед тем как уйти доктор посмотрел сквозь очки на молодого человека своими мудрыми старикиевскими глазами и, немного подумав, сказал:

– Не считите за грубость, голубчик, но я бы посоветовал вам жениться, как можно раньше. У людей вашего телесного и духовного склада есть слишком много шансов уйти в лучший мир в цветущем возрасте, не оставив после себя потомства. Так то вот-с...

В Ольгином доме Борис оказался окружён такой заботой, что первое время сильно смущался и никак не мог привыкнуть, что все тут к нему относятся, словно к родному сыну. Мать Ольги сразу же позвонила Фальманам и сообщила, что с их приёмным сыном случился несчастный случай. Она также сумела легко решить вопрос с Яковом Давыдовичем, чтобы мальчик наблюдался опытным врачом у неё на квартире.

Пока Нефёдов мучался от рвоты и сильных головных болей, у его кровати постоянно находилась заботливая сиделка – мать и дочь поочерёдно меняли молодому человеку повязки, поили больного чаем, следили, чтобы в указанное доктором время он не забывал принимать прописанные микстуры.

Таким образом, на какое-то время сирота оказался в центре всеобщего внимания и любви. И мать Ольги – Екатерина Алексеевна и её отец – Фома Ильич сразу отнеслись к новому обитателю своей квартиры с большой теплотой. Им пришёлся по душе открытый жизнерадостный нрав юноши. Ну и конечно, свою роль сыграли обстоятельства, при которых Борька получил свои ранения. Ведь он пострадал за честь их дочери.

– В нашем роду все женщины хотя бы раз в своей жизни бывали причиной для дуэли, – шутливо рассказывала Борису Ольгина матушка. К этому времени юноше стало значительно лучше, и он вместе со всеми домочадцами проводил вечера в удобном кресле в уютной гостиной.

– Когда я училась на втором курсе Смольного института, мой будущий муж стрелялся из-за меня с одним подпоручиком, кажется артиллерии. Хотя, обычно артиллеристы, головы которых не так горячи, ибо постоянно охлаждаются сухой математической диетой, не столь драчливы. Но то ли этот подпоручик действительно был так сильно в меня влюблён, то ли ему наскучила его баллистика с механикой, но он всерьёз потребовал от студента удовлетворения и слышать не хотел о примирении.

Голос Екатерины Алексеевны звучал удивительно мелодично. Временами, по ходу рассказа, она заливалась звонким смехом, ослепительно улыбаясь. Это была женщина той благородной красоты, которая позволила бы ей непринуждённо царствовать в аристократических салонах и кружить головы блестящим гвардейцам в мазурочном вихре бальных залов. Но в нынешние времена, когда законодателями мод являлись почти поголовно страдающие отсутствием вкуса жёны кремлёвских выскочек, с такой внешностью безопаснее всего было пребывать в ранге скромной домохозяйки.

– Служанка одной моей подруги заранее узнала о готовящейся дуэли, – продолжала свой рассказ хозяйка дома. – И конечно она из любопытства поехала посмотреть на сие редкое зрелище, а потом чрез приятельницу этот рассказ дошёл до меня. Стрелялись они естественно на Чёрной речке. Где же ещё?! Ведь там дрались Пушкин и Дантес. Подпоручик прибыл минута в минуту с секундантом и врачом. Господин же студент нанял какого-то пьяного извозчика и тот завёз его в сугробы и высадил в полутора верстах от нужного места. По дороге, бедолага потерял галошу. Он так и предстал перед затынутым в парадный мундир побледневшим подпоручиком – в одной галоше и в плохоньком пальтишке.

По рассказу Екатерины Алексеевны пистолет в руке её будущего мужа разорвался при выстреле. То ли неопытные секунданты положили в него слишком большой заряд пороха, то ли купленный в лавке антиквара дуэльный набор за давностью лет утратил работоспособность. Студенту наспех перебинтовали платком руку, после чего подпоручик подошёл вплотную к барьеру и долго целился.

– Он бы отменный стрелок и обязательно убил бы меня с такого расстояния наповал, – вступил в Разговор Фома Ильич, – если бы не медальон, который за несколько дней до этого подарила мне Катенька.

Фома Ильич снял с шеи и продемонстрировал Нефёдову повреждённый пулей медальон с написанным маслом портретом юной девицы. Девушка на миниатюрном портрете была как две капли воды похожа на Ольгу.

– Я не знал тогда, что по законам дуэли полагалось предварительно снять с себя все посторонние предметы, – благодушно продолжал Фома Ильич. – Когда же секунданты сообщили мне об этом, я тотчас выразил готовность предоставить своему противнику повторный выстрел. Но он оказался человеком не только благородным, но и милосердным. Мы отметили счастливое окончание нашего поединка в ресторане и впоследствии стали друзьями.

– Правда на следующий день у Фомы началось заражение крови из-за несвоевременно оказанной хирургической помощи, и ему чуть не отняли руку, – вновь подхватила нить повествования хозяйка. – Но именно благодаря этому увечью его не взяли в армию в 1914 году. А тот подпоручик погиб в первый же год... где-то в Пруссии. Нелепо погиб. Его полк в полный рост пошёл в атаку на немецкие пулемёты и почти полностью был выкошен неприятельским огнём...

Глава 9

В 1931 году в семье Фальманов произошла трагедия. В приступе тяжёлой депрессии после затяжной ссоры с мужем Маргарита Павловна выстрелила в Якова Давыдовича из его наградного «Браунинга».

Пока её раненый муж, воя от боли, катался по полу спальни, женщина спокойно надела в другой комнате своё лучшее чёрное бархатное платье, прикрепила к груди старинную бриллиантовую брошь, накинула на плечи подаренное супругом к пятинадцатилетию свадьбы шиншилловое манто, и отправилась в элитную парикмахерскую на Кузнецкий мост. Сделав шикарную причёску и маникюр, Марго на такси поехала к известному московскому драмтеатру, о работе в котором мечтала со времён своей студенческой юности. Свою смерть несостоявшаяся актриса превратила в публичную драму. Она покончила с собой на глазах многочисленных прохожих – на улице прямо перед входом в театр.

Якова Давыдовича удалось спасти лишь благодаря тому, что выстрел за стенкой услышали соседи и вызвали «неотложку». Потерявшего сознание от большой кровопотери мужчину оперативно доставили в больницу, где ему была сразу сделана операция.

Во время этих событий Бориса не было в квартире. Возможно, это спасло ему жизнь, ибо обезумевшая женщина вполне могла всадить пулю и в ненавистного ей подкидыша...

Нефёдова временно взял к себе старинный друг его отца – Николай Владимирович Латугин. В начале двадцатых после тяжёлой авиакатастрофы ему ампутировали ступни ног. С тех пор Латугин преподавал тактику в серпуховской школе стрельбы, бомбометания и воздушного боя. А недавно получил назначение занять ответственную должность в Севморпути.

Лицо Николая Владимировича несло на себе отпечатки нескольких пережитых аварий. Но рубцы и шрамы не обезобразили мужчину, а скорее сделали его облик ещё более мужественным и интересным. К тому же с первого же взгляда на внимательные, чуть грустные глаза Латугина возникало убеждение, что перед вами человек глубоко порядочный, умеющий по-настоящему дружить и любить.

После потери ног бывший комкор ходил широкой раскачивающейся матросской походкой. Главком ВВС личным приказом разрешил Латугину носить с гимнастёркой или френчем широкие гражданские брюки на выпуск, чтобы не так заметны были протезы.

Вскоре Николай Владимирович объявил Борису, что договорился с начальником Качинской школы лётчиков – Комбригом Ивановым, что тот возьмёт парня к себе в училище, как только ему исполнится 17 лет. А пока Борису предстояло пройти первоначальное обучение лётному мастерству в симферопольском аэроклубе, который фактически являлся подготовительным отделением при элитной Качинской краснознаменной военной авиационной школе пилотов имени Мясникова.

– Жить будешь в доме инструктора аэроклуба – моего старинного приятеля по Южному фронту, – рассказывал Латугин. – Он будет с тобой заниматься. И если через пять месяцев скажет, что часть отцовского лётного дара перешла и к тебе, то будешь проходить медицинскую комиссию в училище...

После разговора с Латугиным Борис помчался на станцию – поделиться своей радостью со Степанычем. Старый машинист с пониманием отнёсся к известию, и всё же по-стариковски проворчал:

– Оно конечно: «Марья Ивановна» супротив аэроплана не потянет... Куда ей – старушке... Скорость у паровоза не та, опять же бегают только по рельсам... А аэроплан, что свободная птица по небу парит.

– Я вот тоже после армии на лётчика выучусь, – мечтательно заявил кочегар Никита.

– Осади, мазутная твоя душа! – мрачно цыкнул на помощника машинист. – Кто же на чугушке останется работать, если все среди архангелов подадутся летать. Да и какой из тебя авиатор, Никитка, если тебя после десяти часов мотания в машине на твердой почве качает,

як моряка после сильной качки. Ты себя с Борькой не ровняй. У него вон даже прозвище с авиационным уклоном – «парашютист». Он отцовское ремесло продолжать будет, а у тебя родитель всю жизнь в артелях грузчиков шабашил...

Разговор происходил поздно вечером в столовой локомотивных бригад. Чинно входили и выходили вернувшиеся из рейса машинисты. Каждая бригада садилась за свой стол. Уставшие люди ели молча или перебрасываясь короткими лаконичными репликами. За долгую дорогу всё меж ними было переговорено...

Собеседники Бориса тоже сильно вымотались за долгую смену и гнали сон крепким горячим чаем из потных стаканов. Глядя на окружающие его усталые, перепачканные лица, Нефёдов вдруг стало немного жаль, что он больше не будет принадлежать этому простому, мужественному миру, который успел стать ему родным. Перед глазами юноши встали только что виденные им по дороге сюда возле депо ночные силуэты паровозов со строго горящими фонарями.

Борис вспомнил пережитый восторг, когда маневровка впервые подчинилась ему. Из её трубы вырывался густой серый дым, в топке бушевала огненная буря. Борис то и дело отрывался от окна, чтобы выслушать наставление мастера и бросить удовлетворённый взгляд на взмокшего от пота помощника в кепке и резиновых очках, похожего в яростном свете на сталевара, который старался обеспечить ему – Нефёдову рабочее давление пара.

«А может, ну его училище? – вдруг возникла в голове Бориса крамольная мысль. – Остаться при паровозах и точка. Зачем куда-то ехать – ловить быстрокрылую синицу мечты, если вот оно счастье и призвание в руках». На какие-то секунды такое решение показалась молодому человеку простым и наилучшим выбором. Но потом Борис представил разочарование и отчуждение в воспалённых от усталости глазах старого машиниста, простодушное удивление Никиты. Для них он уже был лётчик, небожитель, избранник судьбы. Да и Латугину язык не повернется сказать, что, мол, извини, передумал принимать твою помощь.

Наконец, Ольге как объяснить, что высокую мечту о полётах поменял на скромную романтику чугунки. «Нет! Решено: буду как отец» – подвёл жирную черту под сомнениями Нефёдов. Если в локомотивную столовку он входил ещё наполовину членом братства железнодорожников, то снова на улицу вышел человеком, окончательно перевернувшим важную страницу своей судьбы.

10 Глава

На симферопольском железнодорожном вокзале приехавшего московским поездом Бориса встретил инструктор местного аэроклуба Степан Сергеевич Лапатуха. Внешне этот сорокадвухлетний мужчина совсем не походил на лётчика.

Выйдя из вагона на перрон, Нефёдов некоторое время пытался угадать в толпе встречающих того самого виртуоза высшего пилотажа, о котором ему столько рассказывал Латугин. Юноша представлял его себе высоким, спортивным красавцем с самоуверенным весёлым взглядом. И совершенно растерялся, когда к нему вдруг подошёл сутулый невзрачный мужичок с застенчивыми глазами и тихим, отнюдь не командным голосом. Впрочем, разочарование в наставнике сразу прошло, как только Борис увидел своего инструктора в его родной стихии.

Уже на следующий день после приезда Нефёдова Лапатуха повёл его в аэроклуб. Вначале Бориса удивило, что местные курсанты смотрят на его спутника, как на бога, жадно ловят каждое его слово и с энтузиазмом бросаются выполнять все распоряжения инструктора. Но затем начались полёты, и Лапатуха сразу преобразился. Скромный серый человек куда-то исчез, его место занял Мастер с властным, горячим нравом. Когда кто-то из вылетевших в самостоятельный полёт курсантов неаккуратно сажал машину, Лапатуха начинал ругаться и даже в приступе гнева сломал сигнальный флажок. А когда девушка-учлёт* при

посадке сделала «козла»¹, обычно застенчивые серые глаза инструктора налились неуёмной яростью. Пока виновница находилась в самолёте, Лапатуха начал высказывать все свои претензии рядом стоящему курсанту, обращаясь к нему на «вы» и по имени отчеству, чего обычно никогда не делал.

*Лётчик-ученик.

¹При посадке самолёт слишком сильно ударился колёсами шасси о землю и подскочил.

В конце концов, инструктор бросился к зарулившему на стоянку самолёту. Ничего, не сказав вылезшей из кабины с виноватым видом девушке, он снова запустил двигатель и пошёл на взлёт. Вначале инструктор несколько раз филигранно выполнил посадку, приземляясь на «три точки»² точно возле посадочной разметки. Затем начал крутить сложнейшие фигуры высшего пилотажа всего в нескольких метрах от земли. Затаив дыхание, Борис с восторгом наблюдал, как самолёт, едва не задевая крыльями траву, выполняет петли и перевороты. В качестве финального аккорда показательного урока Лапатуха выполнил свой коронный номер – на большой скорости прошёл в перевёрнутом положении – вверх колёсами всего в трёх метрах над головами курсантов.

²Имеются в виду три колёса самолёта.

– Хотите летать также? – поинтересовался после приземления у окруживших его восхищённых ребят инструктор. Все дружно выразили такое желание.

– Тогда учитеесь строго выполнять азы лётной программы. Потом, в бою вам будет не до академической точности. Там некогда следить за приборами и заботиться о том, чтобы боевой разворот вышел точно, как прописано в учебнике. Чтобы уцелеть, необходимо постоянно следить за товарищами и противником, а пилотировать «на автомате». Но чтобы освободить голову для боя, у вас не должно быть проблем с управлением самолётом.

Борис был зачислен в группу первоначального лётного обучения. Первые полтора месяца занятия проходили только в классах. Курсанты аэроклуба изучали материальную часть самолёта У-1, аэродинамику, тактику воздушного боя, метеорологию.

Затем по программе надо было выполнить два прыжка с парашютом. Это было испытание для людей с крепкими нервами. Для прыжков использовался всё тот же двухместный учебно-тренировочный У-1. Курсант с надетым парашютом садился в переднюю кабину, самолёт набирал высоту. Надо было по команде инструктора, вылезти на крыло, и, сильно оттолкнувшись, прыгнуть. Причём автоматикой принудительного раскрытия парашюта оборудованы не были, так что курсант должен был сохранять достаточно самообладания, чтобы в нужный момент дёрнуть за вытяжное кольцо. Несколько ребят из их группы так и не сумели перебороть свой страх, и им пришлось распрощаться с мечтой о небе.

И вот начались полёты. Борис до мельчайших подробностей помнил тот день. Стояла прекрасная безоблачная и безветренная погода. Яркое светило солнце. Авиаторы в таких случаях говорят: «Погода миллион на миллион».

Курсанты выстроены в шеренгу. Инструктор обходит строй, выбирая кандидата на первый ознакомительный полёт. Вот он останавливается напротив Бориса и командует:

– Во вторую кабину, марш!

Взволнованный юноша бросается к самолёту, чувствуя спиной завистливые взгляды остающихся на земле ребят. Забравшись в кабину, начинает торопливо пристёгивать ремни, искать глазами, куда присоединить шланг переговорного аппарата. Но замки почему-то отка-

зываются срабатывать, а хорошо освоенная в учебном классе кабина кажется незнакомой. Спина становится мокрой от пота. «Только спокойно! Главное не спешить, чтобы ничего не напутать» – закликает себя Борис, боясь, что за какую-нибудь оплошность суровый Лапатуха передумает брать его с собой.

Легко вскочив на крыло, инструктор бросает оценивающий взгляд в курсантскую кабину:

– Готов?

Борис утвердительно кивает головой, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения. Хотя в голове теснятся тревожные мысли: Как встретит его небо? Не поймёт ли он, что совершенно не способен к полётам.

Когда-то отец рассказывал Борису, что высший пилотаж только с земли выглядит красиво, на самом же деле человеческое тело не приспособлено природой к кувырканию между небом и землёй. И только очень немногим представителям *Homo sapiens* дана способность адаптироваться к лётным перегрузкам...

Прогрев мотор, Лапатуха показывает рукой механику, чтобы тот убрал из-под колёс тормозные колодки. Покачиваясь на бегу, машина катится к стартовым флажкам. Борис видит столпившихся на краю взлётно-посадочной полосы ребят. Многие ободряюще машут ему. Но Нефёдов так напряжён и сконцентрирован на предстоящем самом важном в своей жизни испытании, что с трудом изображает на лице некое подобие улыбки и отвечает на пожелание удачи коротким нервным жестом.

Следует стремительный разбег и вот оно – незнакомое чувство полёта. Трава взлётной полосы, белые постройки аэроклуба проваливаются под крыло. Самолёт набирает высоту 300 метров, забирается на 1000. Стрелка высотомера продолжает ползти по циферблату, пока не останавливается возле отметки 2000. Здесь однообразный гул мотора воспринимается иначе, словно он звучит посреди торжественного пустынного безмолвия. В переговорном устройстве раздаётся голос инструктора:

– Держись за ручку управления и смотри, как я буду пилотировать.

Вспотевшими от напряжения ладонями Борис берёт штурвал. Словно пробуя курсанта на прочность, инструктор делает энергичный крен. Нефёдов чувствует, как кровь из ног устремляется в голову. Возникает незнакомое – не слишком приятное, хотя, впрочем, вполне терпимое чувство дискомфорта. Машина начинает заваливаться на крыло, готовясь перевернуться. Лапатуха обрушивает самолёт в стремительное пики. И тут же начинается каскад фигур высшего пилотажа: боевые развороты, виражи, горки. Временами у Нефёдова темнеет в глазах от перегрузок, и, тем не менее, его охватывает восторг. Сразу проходит напряжение и страх. После петли Нестерова Борис даже начинает петь. Лётчик одобрительно смотрит на него в зеркальце заднего вида...

Вечером по дороге домой Лапатуха признался Борису, что специально, в виде исключения устроил ему в первом же вывозном вылете жёсткий экзамен с воздушной акробатикой, так как до сегодняшнего дня сомневался, выйдет ли из «московского мальчика» толк:

– Ты уж извини меня за прямоту, но не очень-то я верю в наследственность в нашем ремесле. Но ты, парень, ничего, – не без способностей.

С этого дня инструктор стал всерьёз заниматься с Борисом. Каждый день начинался в половине пятого утра. Быстро одевшись, они выходили во двор маленького аккуратного домика, делали гимнастику. Разогретые и окончательно проснувшиеся бежали к морю: полчаса плавали. После физподготовки начиналось самое главное – наземная отработка техники пилотирования самолёта. Со стороны такие уроки могли показаться странным колдовским танцем: взрослый мужчина и юноша гуськом перемещались друг за другом по песчаному пляжу, причём молодой «танцор» тщательно повторял за старшим «шаманом» все его замысловатые «па».

– Выполняя переворот, энергичней работай педалями и ручкой, – с помощью воображаемых органов управления самолётом Лапатуха показывал, как именно необходимо выполнять такой манёвр. Борис старательно копировал действия наставника, добиваясь нужной координации и чёткости движений...

Иногда такие «авиационные» уроки заменялись боксёрскими спаррингами. Инструктор оказался отличным боксёром. Легко передвигаясь на мягких ногах, он наносил Борису болезненные серии ударов. Когда молодой человек кривился от боли, или пытался переждать, пока восстановится дыхание после пропущенного в солнечное сплетение сильного оперкота*, инструктор продолжал колотить его тяжёлыми дробными ударными очередями, приговаривая:

– Вот тебе наука! Учись терпеть, салага. Двигайся через «не могу»... Это всего лишь кожаные перчатки, а в бою за ошибку в маневрировании получишь свинцовым горохом и стальными осколками. Запомни: это раненный пехотинец может вжаться в траву, заползти в какую-нибудь воронку и там дожидаться медсестру. А лётчик, пуская кровавые пузыри и запихивая кишки обратно в разорванное брюхо, должен ещё успеть выбраться из кувыркающегося горящего самолёта, и не потерять сознание пока не раскроется парашют...

* Классический боксёрский удар снизу-вверх.

Ещё умом не понимая своей избранности, Борис инстинктивно почувствовал в новом опекуне – Мастера, каждое слово и жест которого необходимо впитывать жадной губкой. Даже сидя за столом после окончания очередного утреннего урока Борис внимательно следил за тем, как хозяин дома ласково и даже как будто боязливо разговаривает со своей властной супругой, принимая у неё стакан молока и тарелку с супом, как неторопливо и обстоятельно ест.

Постепенно Нефёдов начал понимать, что внешняя мягкость и застенчивость учителя каким-то образом взаимосвязаны и дополняют его взрывной темперамент. Словно мотор истребителя, который большую часть полёта работает в штатном режиме и только в бою используется на максимальных оборотах форсажа, этот спокойный в быту человек тоже умел в нужный момент выплеснуть накопленный энергетический потенциал.

Пройдёт совсем немного времени, и Борис осознает, как фантастически ему повезло с первым учителем. Бывший шеф-пилот крупного авиационного завода, ушедший с испытательной работы из-за ссоры с начальством, Степан Лапатуха обладал феноменальным лётным талантом. Несмотря на свою сутулость, какую-то внешнюю нескладность, а может быть именно благодаря ей, он физически был «сконструирован» природой таким образом, что оказавшись в кабине самолёта фактически становился естественным продолжением его механизмов.

По договорённости с начальником аэроклуба Лапатуха дополнительно занимался с Борисом по индивидуальной программе. Летали они очень много. Уже через полтора месяца такого интенсивного тренинга Степан Сергеевич добился, чтобы Нефёдову разрешили первый самостоятельный полёт. На инструкторское место «посадили» «Иван Иваныча» – мешок с песком – для правильной центровки самолёта. Лапатуха дал последние наставления Борису. Перед тем, как спрыгнуть с крыла на землю наставник неожиданно предупредил сидящего в кабине Нефёдова, чтобы тот был максимально внимателен и не торопился, ибо за его полётом будет наблюдать начальник аэроклуба и специально приглашённый Лапатухой представитель приёмной комиссии лётного училища.

В отличие от своего первого полёта на этот раз Борис почти не волновался. Во время совместных с Лапатухой тренировок на У-1 ему неоднократно приходилось по команде инструктора брать управление машиной на себя. Необходимо было просто забыть, что в передней кабине вместо опытного лётчика «сидит» «Иван Иваныч» и полностью сосредото-

точиться на приборной доске и системе управления самолётом. Борис чётко произвёл взлёт, набрал высоту и выполнил первый разворот. С самого начала возникла убеждённости в том, что машина у него в руках – идёт устойчиво, хорошо слушается рулей. Почувствовав, что у него всё получается, дальше Борис уже действовал совершенно спокойно, как учил его Мастер...

И вот все элементы учебного задания выполнены, и самолёт начинает снижаться. Борис уменьшил скорость и прицелился к выложенным на земле в виде буквы «Т» посадочным знакам. «Кукурузник» коснулся земли сразу тремя колёсами.

На пробеге из кабины Борис видел, как знакомая девушка из его учебной группы с улыбкой показывает ему большой палец, мол, молодец, полёт выполнил хорошо.

Когда самолёт зарулил на стоянку, на крыло поднялся довольный Лапатуха. Не сдерживая эмоций, он обнял Бориса:

– Молодчина! Чисто слетал, не подвёл учителя. Ни одной пометки в задании. Поздравляю!

Оказалось, что приглашённый понаблюдать за полётом перспективного аэроклубовца представитель из Качи, согласился в виде исключения допустить Нефёдова посреди учебного года до отборочной медкомиссии.

Борис не ожидал, что ему так легко удастся попасть в число курсантов самого привилегированного военного училища страны. Ведь в Каче учились даже дети кремлёвских вождей. Борис легко прошёл врачебное сито. А тест, который ему устроил невропатолог, даже показался забавным приключением. Пока врач разговаривал с Борисом, к Нефёдову со спины неслышно подкрался его ассистент и оглушительно выстрелил над головой юноши из огромного циркового револьвера холостым патроном. Из такого оружия принято пугать вышедших из-под контроля дрессировщика тигров и львов.

Но Борис даже не вздрогнул, только удивлённо обернулся на стрелка.

– Наш человек! – удовлетворённо прокомментировал сидящий напротив Нефёдова врач. Он многозначительно переглянулся со своим помощником, затем что-то быстро записал в медицинской карточке кандидата. Когда молодой человек вышел из кабинета, оба медиками посмотрели ему вслед, и один уважительно сказал другому:

– С такими отменными рефлексам и стальными струнами вместо нервов парень пришёл точно по адресу.

– Что тут скажешь – лётчик об Бога! – развёл руками врач.

Как только Борис приступил к учебным полётам, всем сразу стало ясно, что в училище появился курсант с феноменальными данными. Начальник училища комбриг Иванов, будучи сам в недавнем прошлом неплохим лётчиком, делал всё, чтобы никто из его подчинённых не загубил талант самородка требованиями летать строго по программе.

После нескольких полётов с инструктором Нефёдова стали одного выпускать в зону. Освоение сложнейших фигур высшего пилотажа давалось Борису с удивительной лёгкостью. Чтобы сохранять ощущение новизны приходилось постоянно усложнять уже изученные фигуры, далеко выходя за рамки школьной программы. В конце концов, в один прекрасный день мальчишка неожиданно для всех сумел по всем статьям переиграть в учебном бою сорокалетнего инструктора с многолетним стажем лётной работы. В завершении учебного поединка Нефёдов прижал инструкторский истребитель к земле и заставил его совершить посадку.

У выбравшегося из самолёта усатого лётчика было красное потрясённое лицо. Взрослый мужчина едва сдерживал слёзы и крыл матом молокососа, затеявшего с ним издеватель-

скую игру на глазах у всего аэродрома. Когда об этом рассказали Нефёдову, он только пожал плечами:

– Я готов пропускать старших в столовку и отдавать им честь при встрече, но в бою никаких скидок на возраст быть не может...

Когда курсанты выпускного курса начали тренировки по воздушной стрельбе Нефёдова тоже допустили до этих занятий. И первокурсник вновь поразил всех, на этот раз снайперскими задатками. Конус-мишень для стрельбы тащил за собой на длинном тросе инструкторский самолёт. Звено из трёх учебных истребителей, пилотируемых курсантами, заняло позицию для атаки позади и выше буксировщика. Чуть в стороне находился инспекторский Р-5 с начальником училища и его заместителем по лётной подготовке.

На учебную цель курсанты заходили поочерёдно, стреляя из пулемётов ПВ-1* пулями разного цвета. После того, как отстрелялись его товарищи по группе, Борис неожиданно для всех вдруг выкинул очередной «номер». Он перевернул свой самолёт кверху колёсами и в таком положении зашёл на цель. Борис стрелял, как опытный охотник – навскидку, – целясь и нажимая на гашетку одновременно и без малейшего напряжения – играючи. Научить такому способу стрельбы практически невозможно, для этого надо родиться истребителем...

Когда потом – на земле стали считать попадания, выяснилось, что больше всего дырок в конусе наделал курсант, которого товарищи за своенравный характер прозвали «анархистом».

*Авиационный вариант пулемёта «Максим», устанавливаемый в тридцатые годы в развале цилиндров самолётов типа «Р-5».

После каждого такого подвига Нефёдов на несколько дней попадал на гауптвахту или назначался дежурным по кухне. Другой бы командир давно уж выгнал хулигана, но комбриг берёг перспективного парня, впрочем, отлично понимая, как нелегко ему придётся с таким характером после выпуска из училища в обычной строевой части.

Во время полётов курсанты жили в палатках в 18 километров от Качи на берегу моря. Борис вполне был бы удовлетворён и счастлив своей жизнью, если бы не странное сладкое томление в груди при виде местных девушек в лёгких светлых платьях. Казалось, любовные флюиды были разлиты в самом южном воздухе. Вечерами в палатке он долго не мог заснуть, вспоминая игривые взгляды, которые бросали на возвращающихся с аэродрома курсантов смуглые нимфы. И конечно, в такие минуты Борис вспоминал оставшуюся в Москве Ольгу...

Тэсс как будто почувствовала из Москвы эти его мысли. Она уговорила мать провести две курортных недели в маленьком городке под Бахчисараем. Борис узнал, что его разыскивает старая знакомая из Москвы от Лапатухи, который однажды заехал его навестить.

Этим же вечером после отбоя Нефёдов самовольно сбежал в город. До Качи он добрался на попутной колхозной полуторке*. Быстро отыскал дом, в котором сняли комнату приезжие москвички. Увидев его, Ольга сразу бросилась Нефёдову на шею. Они так соскучились друг по другу, что не сговаривались, одновременно и совсем естественно преодолели ту психологическую дистанцию, которая ещё существовала между ними до отъезда Нефёдова из Москвы.

* Грузовой автомобиль ГАЗ-АА.

Влюблённые гуляли по вечерним аллеям городского парка культуры. Тэсс страшно забавляло, когда им приходилось прятаться за деревьями от проходящих мимо военных патрулей. Потом они долго любовались на опускающийся в море большой красный диск солнца.

Здесь на берегу моря Борис впервые поцеловал Ольгу. Её губы оказались тёплыми и податливыми. В ответ на его объятия девушка доверчиво положила руки ему на плечи. Они

долго стояли, обнявшись, волны пробоя ласкали их голые ноги. Вдруг Нефёдов схватил Тэсс за руку и решительно потянул за собой.

– Пойдём! Быстрее!!!

– Куда ты меня тащишь? – со смехом спросила она. – Знаю я тебя: наверное, пришла в голову очередная сумасбродная идея.

– Не задавай лишних вопросов. Учти, будешь упираться, – украду! – шутливо предупредил юноша.

Разбитый телегами просёлок тянулся вдоль виноградников и фруктовых садов, и уходил к далёким лесистым холмам. Борис чувствовал себя пьяным от счастья: он держал в своей руке нежную ладонь возлюбленной, молот ей всякий вздор, получая за это в качестве щедрой награды звонкий чистый смех самого прекрасного в мире создания.

Старая армянская церковь на краю леса показалась в свете луны молодым людям средневековым крепостным фортом. Стены здания были сложены из грубого белого камня, узкие маленькие окошки больше напоминали бойницы. Это был один из немногих действующих храмов, который местные борцы с религией ещё не успели превратить в склад или свинарник.

Нефёдову пришлось не менее получаса барабанить кулаком по железной кованой двери, прежде чем им открыли. Длиннобородый старик оглядел недовольным видом ночных визитёров и грозно осведомился, что им угодно.

– Мы желаем обручиться, святой отец – выпалил Борис и, взглянув на свою изумлённую спутницу, вытащил из кармана и протянул священнику два кольца, заранее сплетённые им из проволоки.

– Извините, но других у нас нет.

Старик покачал головой, вздохнул, но посторонился, пропуская пару внутрь. Он сразу понял, почему эти двое молодых людей явно комсомольского возраста пришли к нему тайно под покровом ночи. И потому больше не задавал не относящихся к делу вопросов...

Проводив Ольгу домой, Борис поспешил к шоссе, ведущему из города, чтобы вновь попытаться поймать попутку. До подъёма в тренировочном лагере оставалось чуть более двух часов. Надо было постараться успеть занять своё место в палатке до того, как запоёт труба горниста. Но как назло первая же остановившаяся возле Нефёдова машина оказалась военной. Вышедший из её кабины строгий командир потребовал у курсанта увольнительное предписание. Так самоволка закончилась гарнизонной гауптвахтой...

Что же мне с тобой делать, гений? – напрямик поинтересовался у Бориса комбриг.

Разговор происходил в кабинете начальника училища.

– Выгнать тебя нельзя: для армии ты человек полезный, – вслух размышлял начальник. – Но и оставлять тебя далее в училище я не могу. Летаешь ты уже лучше многих моих инструкторов, а своими регулярными «залётами» всю дисциплинку мне вот-вот развалишь. Ещё чего доброго остальные курсанты с тебя начнут пример брать! Не-ет! Пускай тебя в войсках воспитывают, там порядки пожёстче, чем у нас. Быстро твой гусарский норов обломают, Анархист!

Глава 11

Армейская жизнь младшего военного лётчика Бориса Нефёдова начиналась крайне неудачно. Командир истребительного авиационного полка, в который он был распределён из Качи, дотошно следовал инструкциям командования ВВС РККА: всячески бороться с аварийностью, а также с перерасходом горючего и боеприпасов. На практике это выражалось в том, что полк, считавшийся одним из лучших в Западном особом военном округе, тем не менее, летал крайне мало; учебные стрельбы вообще проводились не чаще двух раз в год. Сам Командующий авиацией округа запретил своим приказом тренировки на высший пило-

таж во вверенных ему частях – «во избежание поломки авиационной техники и тяжёлых лётных происшествий». Большую часть служебного времени лётчики занимались строевой и политической подготовкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.